

Е. ПЕТРОВ

НЕОКОНЧЕННЫЙ РОМАН «ПУТЕШЕСТВИЕ В СТРАНУ КОММУНИЗМА»

Предисловие В. З. Роговина

Публикация В. Л. Катаевой (Петровой) и В. З. Роговина

Последним крупным произведением Евгения Петрова, над которым писатель работал с 1939 г., был роман «Путешествие в страну коммунизма». Работу Петрова над этим произведением прервала Великая Отечественная война. В архиве писателя, хранящемся у его вдовы В. Л. Катаевой (Петровой), находятся материалы незавершенного романа: его начало (главы 1—8), два развернутых плана романа, а также подготовительные записи для последующих глав.

Дошедшие до нас материалы позволяют судить, насколько значителен и оригинален был замысел Петрова. В своем произведении писатель стремился художественно осветить основные социальные, философские и этические проблемы построения коммунистического общества в СССР. Приступая к созданию романа о будущем коммунистическом обществе, писатель рассматривал свое произведение не как фантастический, а как «публицистический роман». Это определение выражает стремление автора найти такой органичный сплав беллетристики и публицистики, чтобы через традиционный сюжет романа-путешествия ввести читателя в гущу раздумий о своеобразии и существовании коммунистического общественного уклада. В отличие, например, от Маяковского, который в своих пьесах намечал картину коммунистического будущего в предельно условных, схематических чертах, для Петрова характерен подчеркнуто реалистический подход к описываемому им коммунистическому обществу. Основная задача писателя состояла в том, чтобы реалистически мотивировать, обосновать возможность существования такого гармонического социального уклада, который осуществляет вековую мечту человечества о счастье.

Петров выбрал сравнительно небольшой «разбег» для прыжка в будущее — период в 25 лет (действие романа происходит в 1963 г.). В романе будущее должно было быть неразрывно связано с прошлым и настоящим. Как можно судить по многочисленным фрагментам, большое место в романе писатель предполагал уделить рассказу о пути, которым шел советский народ к своей великой цели, о трудностях и ошибках, которые пришлось преодолеть на этом пути.

Разумеется, в годы работы над романом Петров не мог предугадать или постичь многие сложные процессы, замедлившие продвижение нашей страны к коммунизму. В его концепцию будущего развития советского общества не вошла тяжелейшая, кровопролитнейшая война советского народа с фашизмом. Петров предполагал, что Советский Союз сумеет избежать надвигающейся войны и что начавшаяся война окажется войной только между двумя империалистическими группировками, из которой весь капиталистический мир выйдет ослабевшим и обессиленным. Этот, представляющийся сегодня странной близорукостью, просчет писателя относительно неучастия

советского народа в «большой войне», покажется не столь удивительным, если вспомнить обстановку 1939—1941 гг., когда создавался роман. Как известно, Сталин до самого дня нападения Германии на Советский Союз считал, что советско-германский пакт способен оградить СССР от опасности вовлечения во все разгорающуюся войну. Подобные настроения отражались и в советской печати и оказывали соответствующее влияние на общественное мнение. Во власти этих иллюзий, впоследствии дорого обошедшихся советскому народу, оказался в предвоенные годы и Е. Петров. Поэтому в его романе путь нашего народа к коммунизму предстал намного более безоблачным и быстрым, чем в действительности.

И в изображении социальных перемен на Западе писатель кое-где «опередил» историю: так, например, в его произведении на сторону социализма переходят в 1963 г. уже вся Германия и Франция.

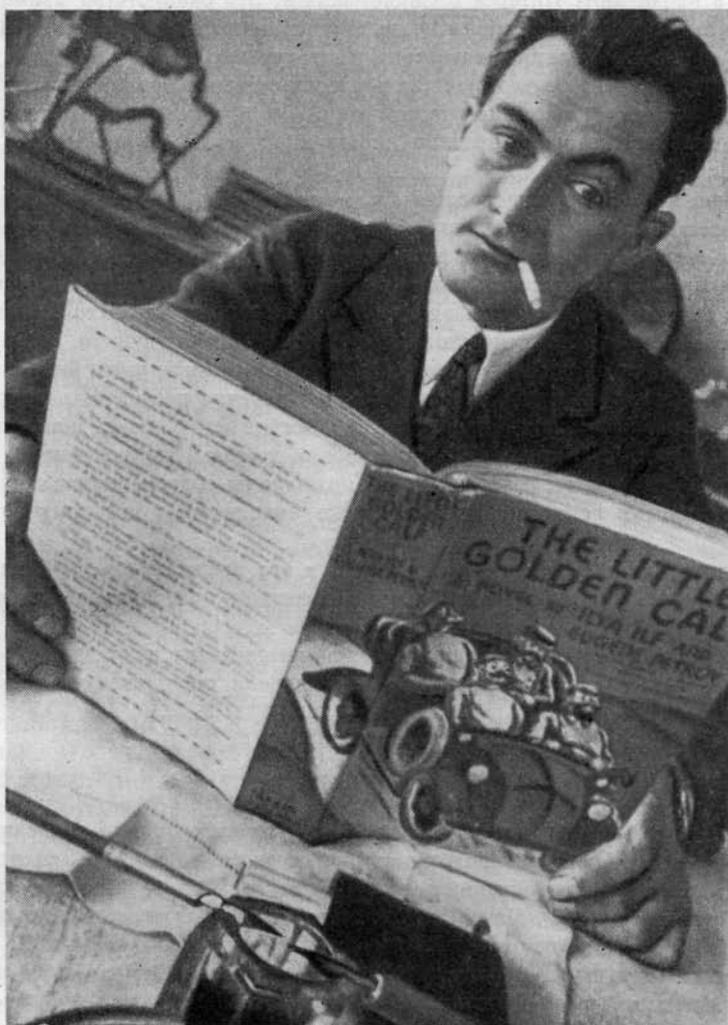
В своих размышлениях о путях развития Советского государства писатель, конечно, не мог тогда еще осознать и того тормозящего влияния, которое оказывал на движение нашего народа к коммунизму культ личности с его тяжелыми последствиями. Кое-что в романе Петрова сегодня, естественно, может показаться нам наивным, но ведь трудно требовать от писателя, чтобы в наш сложный и чреватый бурными переменами век он сумел предвидеть все повороты исторического развития. Важнее другое: историзм мышления Петрова обусловил его художественную проницательность, определившую основную направленность неоконченного романа. Это выразилось не только в том, что автор в ряде мест поразительно точно сумел предугадать отдельные стороны сегодняшней жизни (например, в описании Москвы 1963 года, в размышлениях об архитектурном стиле эпохи коммунизма и т. п.). Основной интерес романа состоит в том, что ведущие тенденции развития нашей эпохи, которые всем нам ясно видны с сегодняшней исторической вышки, Петрову удалось разглядеть и художественно осмыслить еще двадцать пять лет тому назад. В этом мы с полным основанием можем усматривать еще одно доказательство силы и жизненности метода социалистического реализма, который дает возможность изображать действительность в ее революционном развитии.

Высокая идейная зрелость, партийность мышления писателя проявились в том, что в центре романа — основной социальный, идеологический и нравственный конфликт всей переходной эпохи от капитализма к коммунизму. Исходя в своем произведении из перспективы мирного соревнования двух социальных систем, Петров сквозь весь роман проводит идею: советский народ будет оказывать все возрастающее влияние на ход мировой истории прежде всего своими успехами в строительстве коммунизма, силой примера общественного строя, несущего людям мир, свободу и счастье.

В раскрытии этой идеи важнейшую роль призван был сыграть образ повествователя — американского журналиста Юджина Питерса, глазами которого воспринимается коммунистическое общество. Писатель относится с несомненной симпатией к своему герою, в котором он видит лучшие черты прогрессивного западного интеллигента. Питерс обладает способностью глубокого и тонкого анализа жизненных явлений. В нем, несмотря на многие испытания, выпавшие на его долю, живет неугасимый интерес и любовь к жизни, ему присущи подлинная интеллигентность, высокая культура чувств. Автора в Питерсе больше всего привлекает способность подняться над предрассудками буржуазного общества, отрешиться от привычных догм и представлений, способность подчинять свое мировосприятие фактам. Близок к Питерсу и образ главы американской правительственной делегации, едущей в СССР, мистера Спрингфильда, в котором угадываются черты политического деятеля рузвельтовского типа.

Петров как бы хочет предоставить лучшим людям из буржуазного лагеря возможность вочию убедиться в превосходстве коммунистического образа жизни, который они до сих пор не желали ни принять, ни понять.

Через весь роман должна была пройти тема переоценки Питерсом прежних духовных и нравственных ценностей и мотив утверждения новой, коммунистической морали и новых, коммунистических идеалов. Этой теме служат уже размышления Питерса

Е. ПЕТРОВ

Фотография, 1930-е годы

Центральный архив литературы и искусства, Москва

в первых главах, размышления, связанные с преодолением традиционных буржуазных концепций о том, что построение разумного и гармоничного общества невозможно в силу непроборимого эгоизма, несовершенства человеческой природы.

Идейное и нравственное банкротство капиталистического мира обнаруживается не только в признаниях Питерса и Спрингфильда. Это банкротство зримо раскрывается в образах попутчиков Питерса по делегации, направляющейся в СССР,— американского фабриканта оружия Фингльтона и его дочери Одри.

В этих образах Петров сатирически подчеркивает то обезчеловечивание человека, к которому приходит капиталистический мир. Он сумел увидеть в его развитии те уродливые явления, которые поразили писателя еще во время пребывания в Америке в 1935 г.

Основное место в романе должно было занять изображение путешествия Юджина Питерса по СССР. Как можно судить по планам, в «самых важных главах» писатель ставил задачей показать через восприятие пришельца из мира капитализма то новое, что характеризует сущность коммунистического уклада жизни. Характерно, что Петрова, в отличие от большинства современных писателей-фантастов, очень мало занимал вопрос о чудесах технического прогресса в мире будущего. Основной смысл своего романа он видел в изображении новой психологии и морали, быта и нравов людей при коммунизме. Писатель стремился художественно исследовать вопрос о нравственных и психологических предпосылках коммунизма, о новых жизненных стимулах, управляющих людьми коммунистического общества и их поведением. Герои Петрова — это не неведомые, совершенно не похожие на современников люди, отделенные от нас многими веками, а люди того же поколения, к которому принадлежал писатель.

Значение романа Петрова прежде всего в его гражданском, публицистическом пафосе, в том, что, рассказывая о явлениях завтрашнего дня, писатель непосредственно вторгается в проблемы дня сегодняшнего.

Актуальность этого произведения особенно возрастает в наше время, когда воспитание новой, коммунистической психологии и морали становится ведущей темой советской литературы.

* *

*

В настоящем томе полностью печатаются главы романа, относящиеся к его центральной теме,— изображению коммунистического общества. Эти главы (5—8) должны были открывать основную часть повествования — рассказ о путешествии Юджина Питерса по СССР. Менее значительны в идейно-художественном плане те начальные главы (1—4), которые связаны с темой «минувшей войны». Из этих глав в нашу публикацию вошли фрагменты, характеризующие сатирическую линию романа и содержащие портреты Фингльтона и Одри, а также отрывки, посвященные описанию Парижа.

Публикуются и оба плана романа, которые дают ясное представление о всем замысле писателя. Как легко убедиться, эти планы во многом отличаются друг от друга. Если первый план создавался тогда, когда писатель еще «неясно различал» даль будущего романа, когда окончательно не определило в еще его заглавие (см. разные варианты заглавий в начале плана), то во втором плане нетрудно ощутить большую композиционную четкость и сюжетную организованность.

В публикацию включена и большая часть сохранившихся разрозненных набросков к роману. Эти записи объединены нами в тематические разделы, которым даны названия, заключенные в угловые скобки.

ГЛАВА ПЯТАЯ

НЕСКОЛЬКО МЫСЛЕЙ МИСТЕРА Р. А. СПРИНГФИЛЬДА

... Чем ближе мы приближались к коммунистической России, тем больше я о ней думал. Как-то так случилось, что эта страна сыграла в моей жизни очень большую роль. Еще в колледже я стал читать Льва Толстого. Этот писатель открыл передо мной новый для меня мир мыслей и чувств, и я в какие-нибудь полгода стал ревностным толстовцем. Через несколько лет пришел черед Достоевского. Русские представлялись мне людьми странными и удивительными. Гоголь и Чехов окончательно убедили меня в том, что воспитать этих людей мог только величайший народ. С тех пор меня неизменно привлекало все русское. Я предпочитал Чайковского Брамсу, а Мусоргского Вагнеру. Я всегда ставил чувство выше расчетливой рассудочности, как ставил живопись выше чертежа, и для меня гораздо ближе была человеческая трагедия Бориса Годунова, чем фальшивая, утомительная и напыщенная трагедия картонных Тангейзеров и Тристанов. Когда в России произошла революция, я был еще мальчиком. В течение многих лет я не имел ни малейшего представления о новой русской культуре, и я с легкостью повторял банальные истины, которые были приняты в том обществе, в котором я рос и воспитывался. Истины эти заключались в том, что <...> частная собственность — это единственный двигатель жизни и что большевики слишком жестоко расправляются со всеми врагами. Однако любовь к русской культуре была так велика, что я изучал русский язык, русскую историю, литературу и музыку. Когда в 1939 году я отправился в Россию, я считался дельным, подающим некоторые надежды журналистом. Я написал книгу «СССР в 1939 году». Россия продолжала влиять на мою жизнь и мою судьбу — книга имела большой успех. Она сделала мне имя. Вероятно, некоторую роль сыграли мое старое знакомство с русской культурой и моя неприязнь ко всем проявлениям фашизма; но главное, что оценили читатели, это была честность и объективность, с которой я выполнил свою задачу. Книга была правдивая. Теперь, когда, сидя в каюте туристского электрохода, отвозящего меня на родину, я пишу эти строки, я могу с полной откровенностью сказать, что книга была также и глупой. Я писал то, что я видел, — это верно. И мое знание старой России, почерпнутое мною из книг, помогло мне разобраться в виденном лучше, чем сотне скверных журналистов, писавших о России с развязностью пожарных репортеров. Но тем не менее я почти ничего не понял. Я был лишен самых элементарных знаний. Я не знал, что такое коммунизм, к которому стремится страна. Я не знал, что собою представляют силы, вызвавшие к жизни огромный народ. Я никогда не читал сочинений Маркса и Ленина. Смешно сказать — я разговаривал со Сталиным, не зная его сочинений, если не считать двух речей. Советские газеты с видимым удовольствием цитировали мою книгу, особенно те места, где говорилось об отсутствии безработицы и о детских яслях, называли меня знаменитым журналистом и печатали мои портреты. В те годы про Советский Союз распространялось столько клеветы, что даже мои наивные и глупо покровительственные строки могли принести какую-то пользу. Как хорошо, что о книге «СССР в 1939 году» уже никто не помнит.

Внезапно мои размышления прервал мистер Спрингфильд.

— Вы знаете, Юджин, о чем я сейчас думаю? Я думаю о вашей книге «СССР в 1939 году». Я хорошо ее помню. Вам, вероятно, будет особенно интересно проверить свои первые впечатления.

В ответ я пробормотал что-то невнятное.

— Я очень жалею,— продолжал мистер Спрингфильд,— что избрал дипломатическую карьеру. Я много читал, много думал, много говорил (обычно не то, что думал), я съел бесчисленное количество дипломатических обедов и завтраков, подписал несколько исторических документов и выучился недурно острить. Но я очень мало видел. Я завидую вам, Юджин. Мне, конечно, надо было сделаться журналистом и проводить время в путешествиях. Кажется, нет такой точки на земном шаре, о которой я не мог бы судить с некоторым авторитетом, но я в сущности не имею ни малейшего представления о нашей планете. Я ее просто не видел.

— То, что вы говорите, очень интересно,— сказал я,— но ведь Жюль Верн писал свои романы-путешествия, не выезжая из Парижа. Мне кажется, вы знаете мир гораздо лучше меня.

— Я знаю мировую политику, вернее, думал, что знаю мировую политику.

— А теперь?

— Теперь я этого не думаю.

Откровенность мистера Спрингфильда поразила меня. Он говорил медленно, тщательно закругляя фразы. Видно, эти мысли томили его и теперь он был рад их высказать.

— Мне известно, в каких направлениях развивалась мировая политика нашего века. Мне известно, какие и когда происходили войны, какие и когда заключались договоры и при каких обстоятельствах они нарушались. Мне известно, что происходили революции, восстания, мятежи. Мне известны случаи, когда страны не только отказывались выполнять взятые на себя обязательства, но даже отдавали на растерзание врагам своих союзников. Я назову вам все даты, все имена и фамилии министров иностранных дел, послов и посланников, я процитирую вам все важнейшие договоры, заключенные между странами за последние шестьдесят лет. Но, соединяя в памяти всю эту грудку сведений и фактов, я никак не смогу рассказать вам, почему происходило так, а не иначе. Вы как-то говорили мне, что мисс Фингльтон не знает, почему идет снег. Она видит снег и воспринимает его как факт, но объяснить этот факт не может. Вот так и я. Я могу только строить предположения и гадать. Это о прошлом. Как же мне говорить о будущем, когда я не могу понять прошлого. При этом я насколько не считаю себя глупым человеком. Я говорю с вами с полной откровенностью, Юджин, и вы должны ценить это.

Я поклонился. Мистер Спрингфильд продолжал:

— Я стар, Юджин. Мне нужно думать о смерти. А я, как старая полковая лошадь, которая принимается маршировать при звуке трубы, оживляюсь, когда говорят о дипломатических ходах, об успехах или неуспехах (конечно, призрачных), о закулисной игре и о всяческих тонкостях нашего, в общем довольно загадочного, ремесла. Я никогда и никому не скажу, что не верю в свое дело. Но я действительно не верю в него. Мои мысли отрывочны, пусть это вас не смущает. Вы знаете, я часто думаю о том, что мировая политика строилась и строится на желании каких-то людей или групп людей облагодетельствовать человечество. В этом, по моему, все несчастья мира! Боже ты мой! Как было бы хорошо, если бы никто не мешал людям жить так, как им хочется, если бы никто не пытался их облагодетельствовать, если бы идеи, клонившиеся к облагодетельствованию человечества, карались бы в судебном порядке. Фашисты говорят, что хотят сделать свой народ счастливым, и начинают с постройки концлагерей и уничтожения евреев. Спросите мистера Фингльтона, и он скажет вам, что целью его существования является желание облагодетельствовать рабочих. Коммунисты обещают создать рай на земле и занимаются реквизицией частной собственности. Христиане хотели облагодетель-

ствовать мусульман и устроили кровопролитнейшие крестовые походы. Они же, в желании вернуть на путь праведный заблуждающихся, истребили альбигойцев и устроили Варфоломеевскую ночь. Наполеон хотел облагодетельствовать народы Европы и истребил миллионы людей. Хищник, видите ли, обязательно хочет кого-нибудь облагодетельствовать: японцы — китайцев, германские и итальянские фашисты — сперва испанцев, потом чехословаков, потом французов и поляков. Нас тоже хотели облагодетельствовать, но, к счастью, неудачно. За внешне гуманными дипломатическими формулами всегда что-то скрывалось. Но все тайное неизменно становится явным. Существует история, от которой нельзя уйти, как нельзя уйти от смерти.

Мистер Спрингфильд протер носовым платком свое золотое пенсне, висевшее на черном шнурке, но не надел его, а принялся слегка размахивать им в такт своей речи.

— Через час мы приедем в Россию. Я никогда там не был. И, естественно, я думаю сейчас о ней. Скажу откровенно, я не понимаю, что такое Союз Советских Коммунистических Республик. С коммунистическими идеями я очень слабо знаком, но довольно хорошо изучил внешнюю политику Советского государства. Я следил за ней иногда с удивлением, иногда с неудовольствием, но чаще всего с восхищением, начиная с 1917 года. Она, конечно, великолепна. Она абсолютно не похожа на дипломатию, принятую в мире со времен египетских фараонов. Она совершенно нова и оригинальна. И секрет ее очень прост. В любом дипломатическом действии всегда заложены две мысли — одна явная и другая тай-

И. ИЛЬФ и Е. ПЕТРОВ В РЕДАКЦИИ ГАЗЕТЫ «ГУДОК»

Фотография с автографическими подписями писателей и пометой рукой Петрова: «Снято в „Гудке“ 26/VII—1929 г. Фото Иваницкого. Осветитель С. Расторгуев»

Центральный архив литературы и искусства, Москва

ная. Мы думаем одно, говорим другое, а делаем иногда третье. Советские дипломаты открыли совершенно новый принцип, которому неизменно следуют. Они всегда говорят то, что думают, и делают то, что говорят. Они ни разу не изменили своему принципу и ни разу не потерпели ни одного поражения. То есть, нам иногда казалось, что они терпят поражения на различных европейских конференциях или во время каких-нибудь переговоров. Но в самом деле никаких поражений не было. Просто мы, руководствуясь нашим опытом, приписывали советской дипломатии тайные намерения, а потом объявляли неудачу этих несуществовавших намерений. Вот и всё. История показала, к чему привела внешняя политика Советской страны. Она привела к тому, чего никто никогда не ожидал — она избавила народ от участия в большой войне, она сохранила десятки миллионов жизней. Сейчас, когда перебираешь в памяти всю сорокалетнюю историю советской внешней политики, все кажется удивительно простым и несложным. Но как непросто и сложно было предвидеть все это тогда! Уже самое первое действие советской дипломатии поразило мир, хотя, к сожалению, ничему его не научило. Советское правительство предложило полное разоружение. Это было до такой степени просто и ясно, так походило на веселое замечание андерсеновского мальчишка: «А король-то голый!», было так умно, что собравшиеся в Женеве дипломаты даже рассердились. Действительно! Внести на Конференцию по разоружению проект полного разоружения — это большая нескромность! В советском предложении искали тайную мысль в то время, как в нем никакой тайной мысли не было. Отклонение проекта было признано неудачей советской дипломатии. Советский Союз всегда искал мира, но в этом желании мира видели тайную мысль, и поэтому считалось, что Советский Союз ищет войны. Советский Союз заявил, что он намерен цепляться за каждую, даже самую маленькую возможность сохранить или хотя бы продлить мир, и вступил в Лигу Наций. Он не очень-то верил в коллективную безопасность, но надежда оттянуть неизбежную, казалось бы, войну привела Советское правительство к заключению пактов о взаимной помощи с Францией и Чехословакией. И когда наступил кризис и в Мюнхене решалась судьба Чехословакии, СССР был единственной страной, которая заявила, что выполнит свои обязательства. Нужно было обладать по меньшей мере даром ясновидения, чтобы с такой точностью предсказывать события. Я просматривал советские газеты за несколько лет и убедился, что предсказаны были все события, потрясшие Европу. После Мюнхена, когда французская и английская демократия катились в бездну и уже ничто не могло остановить этого падения, Советский Союз резко изменил свою политику, то есть он не изменил ее, так как она по-прежнему оставалась политикой мира, а просто увидел, что международные договоры, как бы красиво они ни были составлены, обеспечить мира не могут. Но Советский Союз хотел мира для своей страны, и он решил получить его без чьей бы то ни было помощи. И тут произошло событие, которого я не могу объяснить до сих пор. За один только год Советское правительство воздвигло на своих западных границах, от Балтийского до Черного моря, тройную линию таких сильных укреплений, перед которыми знаменитая в те времена линия Мажино казалась детской игрушкой. Был мобилизован весь народ, были мобилизованы все ресурсы страны. На целый год были прекращены все постройки, кроме этой. Мир был потрясен взрывом энтузиазма двухсотмиллионного народа, который шел к своим границам для того, чтобы сделать их неприступными даже для объединенных армий всей Европы. Этот чрезвычайный шаг, гениальный по своей простоте, определил на двадцать лет политику держав. Мир не знал еще такого случая, когда вся нация была бы мобилизована не для войны, а для мира. Защищенные превосходной армией и совершенными подъездными путями, линии обо-

роны были абсолютно неприступны. Следующим действием Советского правительства была война с Японией. Вы знаете, что эта короткая и стремительная война совершенно освободила от японцев азиатский материк, и уже в 1942 году Советский Союз мог всецело отдаться своим внутренним делам. Знаете вы и то, что, остановившись перед великой стеной на востоке, европейский фашизм обратил свои алчные взоры на Южную Америку и Мексику. Фашизм не мог жить без грабежа, как морфинист не может жить без морфия...

Советское государство предоставило нам тогда оборонительный союз против сил фашизма, но мы отклонили его. Это я себе никогда не прощу.

Мистер Спрингфилд был очень взволнован. Он давно уже вскочил с кресла и шагал по салону, размахивая своим золотым пенсне (...)

— Нет, нет, я абсолютно ничего не понимаю. Эта страна мне непонятна. Или даже не совсем так. Мне понятны ее действия, но непонятны причины их возникновения. Кто это все придумывает? Откуда эта безошибочность? Почему эти действия иногда кажутся странными и только потом, через много лет, становятся понятными?

На лице Ральфа вдруг появилось совершенно детское выражение. Его глаза округлились, сделались добрыми и немного встревоженными. Он зашептал:

— Слушайте, объясните мне, бога ради, как может великое и могучее государство, выгнав Японию из Маньчжурии и Кореи, отдать Маньчжурию китайцам, а Корею корейцам? Ведь это же ни на что не похоже! Я же старый дипломат, вероятно, самый старый дипломат в мире и я не могу это-го понять. Буду умирать — и не пойму! Кстати, у меня к вам дружеская просьба. Если благодарное, так сказать, потомство поставит мне памятник в Вашингтоне или в крайнем случае мраморный бюстик в здании Конгресса, я хотел бы, чтобы на нем было написано «Р. А. Спрингфилд — известный дипломат. Он ровно ничего не смыслил в политике».

Поезд остановился.

— Мы приехали, — сказал я, чувствуя сильнейшее волнение.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Я ТОРЖЕСТВЕННО КЛЯНУСЬ ВЫПОЛНЯТЬ ЗАКОНЫ КОММУНИСТИЧЕСКОГО ГОСУДАРСТВА

Я ступил на почву Союза Советских Коммунистических Республик в три часа дня двадцать пятого марта. И до двадцать пятого сентября — ровно шесть месяцев — я находился в состоянии сильнейшего умственного и нравственного напряжения. Скажу без преувеличения — я заново пережил всю свою долгую жизнь, пересмотрел ее, передумал. Я объездил всю страну, побывал на севере, на юге и на востоке. Я перезнакомился с сотнями людей, бывал в их домах и пользовался их гостеприимством. Я бывал в музеях, театрах, университетах, наркоматах, фабриках, клубах, играл с детьми, танцевал с молодыми девушками и подолгу беседовал со стариками. Я исписал двенадцать толстых записных книжек и, как мне кажется, кое-что понял. Это робкое «кое-что» звучит довольно комично для человека, знакомого с моей книгой «Россия в 1939 году». Тогда мне казалось, что я понял все, так как ставил себя выше людей, которых описывал. Но это было превосходство человека в хорошем костюме и отлично

выглаженной рубашке перед людьми в плохих костюмах и измятых рубашках, то есть призрачное превосходство фабриканта перед рабочим или банкира перед сельским учителем. Теперь я чувствую превосходство людей, которых я описываю, и я не стыжусь об этом говорить. Я говорю об этом откровенно не потому, что считаю их лучше себя (человеку свойственно относиться к себе с излишним, может быть, уважением), а потому, что мир, в котором они живут, лучше мира, в котором живу я. Они создали этот мир и, следовательно, я должен признать их превосходство, как признаю превосходство выдающегося математика, открывшего новый закон, или теннисиста, разбившего меня со счетом шесть — ноль. Как истинный американец, я верю только фактам. Я побежден. Это факт. И я не был бы американцем, если бы стал корчить из себя победителя.

Меня заставили задуматься первые же минуты в коммунистическом государстве. Как только поезд остановился, наш вагон быстро наполнился встречающими. Был чуть ли не весь состав американского посольства — сам посол мистер Эйли, советник мистер Траубридж, с которым мы вместе учились в Йейле, военный атташе, два секретаря — все с женами. И поразили меня, сами того не подозревая, именно они. Наши московские американцы, не выдавшие своих соотечественников в течение двенадцати лет, говорили с довольно заметным русским акцентом и иногда вставляли в свою речь целые русские фразы. С морозу у них были румяные и, как мне показалось, какие-то русские лица. Они нанесли цветов и сразу же создали довоенную атмосферу безмятежного благополучия, от которой мы так отвыкли за годы войны. И которая особенно резко чувствовалась после истощенной, ободранной, грохочущей Европы. Я просто не поверил своим ушам, когда миссис Траубридж, отведя Одри Фингльтон в сторону, сказала с чисто женским бессердечием: «Вам, милочка, надо будет приодеться в Москве. Для России вы одеты слишком экстравагантно и... не очень... модно». Дочь миллиардера, самый дешевый туалет которой стоил пять тысяч долларов золотом, учили как надо одеваться! Очевидно, дело тут было не в деньгах, а в моде, и моду, очевидно, диктовала Москва, как диктовал ее когда-то Париж, а потом Нью-Йорк.

Особенно большой успех у наших американских дам имел генерал Сэвидж, герой Сан-Антонио. Его так нагроулили цветами, что знаменитый солдат не мог пошевелить пальцем.

Мистера Спрингфильда приветствовал от имени Советского правительства заведующий американским отделом комиссариата иностранных дел Николаенко, огромного роста тучный и элегантный старик. Я немного знал этого человека. Когда-то он был консулом в Нью-Йорке, и нам приходилось встречаться. В те времена он казался мне довольно комичным в своем неуклюжем стремлении овладеть всеми тонкостями дипломатического ремесла. Я хорошо помню, с каким несчастным и напряженным видом сидел он на дипломатических завтраках и обедах, неумело держа вилку в своих толстых пальцах, с каким ужасным акцентом говорил он по-английски, как багровело его большое доброе лицо, когда он произносил какую-нибудь официальную речь. Однажды он в большом обществе спутал Киплинга с Эдгаром По, а на блестящем приеме, где было много дам, так растерялся, что поцеловал руку мужчине. Теперь он говорил с такой легкостью и простотой, как будто происходил из семейства Чемберленов, вырабатывавших искусство дипломатического разговора в течение нескольких сотен лет <...>

Мистером Спрингфильдом завладели журналисты. Он согласился дать интервью и выступить по радио. Его увели в гостиную вокзала. Я пошел за носильщиком — молодым человеком в шерстяном свитере, шерстяных чулках и толстых спортивных башмаках. Он был без шапки, что-то насви-

стывал и слегка помахивал моими довольно тяжелыми чемоданами. У дверей таможи он пропустил меня вперед, взгромоздил чемоданы на стол, попросил у меня паспорт и куда-то вышел. Таможенный осмотр занял минуты три, и проделал его, к моему удивлению, тот же носильщик. Он вернулся и спросил меня по-английски, не везу ли я с собой каких-либо спиртных напитков крепче двадцати градусов, а также кокаина, героина, морфия, гашиша или опиума. Я ответил отрицательно. Наклеивая на мои чемоданы ярлыки, он сообщил, что с утра шел снег, что зима в этом году затянулась и весна будет поздняя. Потом он повел меня в кабинет начальника пограничной стражи. Начальник — седой джентльмен в военной форме — принял меня стоя. В руках у него был мой паспорт. Он взглянул в него и сказал:

— Повторяйте за мной. Я, Юджин Питерс, гражданин Соединенных Штатов Америки, уроженец города Мемфиса, штат Теннесси, постоянно проживающий в городе Нью-Йорке, торжественно обещаю выполнять все законы коммунистического государства.

Я повторил.

— Распишитесь вот здесь. В случае нарушения какого-либо закона коммунистического общества вы будете высланы из пределов страны. Отдаете ли вы себе в этом отчет?

— Да.

— Я разрешаю вам въезд в Союз Советских Коммунистических Республик! — сказал седой джентльмен торжественно. — Срок — шесть месяцев. На это время вы получаете все права гражданина Союза, кроме права избирать и быть избранным в органы управления.

Я поклонился.

Начальник пограничной стражи пожал мне руку, отдал паспорт и, неожиданно улыбнувшись, добавил:

— Ну вот и всё. Будьте нашим гостем.

Я вышел на платформу, где стоял серый стальной поезд с большими зеркальными стеклами и табличками: «Негорелое — Москва — Иркутск — Якутск — Магадан». Я обошел его по путям и увидел маленький город.

Снегопад кончился. Земля была покрыта толстым слоем чистого свежего снега. Снег был на деревьях, на крышах коттеджей, на проводах. Солнце по-мартовски стояло уже довольно высоко. На него можно было смотреть не морщась. В легком морозном тумане оно совсем не отбрасывало лучей и висело над деревьями, как желток. По широкому шоссе, отделявшему станцию от первой линии городских строений, промчались два больших автомобиля, сгребавшие снег в сторону. За ними остались две гладкие бетонные полосы. «Совсем как в Америке», — подумал я. Да и весь городок издали казался похожим на американский. Одноэтажные деревянные и каменные разноцветные дома с садиками и гаражами, автомобильные магазины, в витринах которых были выставлены машины и запасные части, кафе, автомобильные станции, рестораны и аптеки — все это очень напоминало комфортабельную жилую часть маленького американского города. Вдали виднелось несколько больших официальных зданий. Вот и всё. От села Негорелого, которое я видел на этом месте двадцать пять лет назад, не осталось, очевидно, и воспоминания. Тогда это было деревянное, серое, местами почерневшее село, совсем такое, как в Польше. В таких селах бедность не нуждается в рекомендации — ее видно за несколько километров. Теперь это была добрая старая довоенная Америка, каким-то чудом перенесенная за семь тысяч километров. Так, во всяком случае, мне казалось в те первые минуты, которые я провел на станции Негорелое, дожидаясь отхода поезда. Пробежали школьники, забрасывая друг дружку снежками. На телеграфный столб вылез монтер.

В конце улицы показался длинный белый автомобиль, вероятно из универсального магазина. Он остановился у первого дома, потом у второго, потом у третьего, потом он скрылся за поворотом улицы. С забора на дерево прыгнула кошка, но не удержалась и съехала вниз по стволу. Медленно прогуливаясь, прошли два старичка. Судя по тому, что они часто останавливались и один из них даже стучал палкой по тротуару, у них происходил интересный разговор. Это была чужая жизнь.

Чужая жизнь! Заманчивая и таинственная, она с детских лет окружает человека. Маленький белый домик в резиденшенпарт города Мемфиса. Это наш домик. По саду в белом кисейном платье с высоким воротником, вертикальное положение которого поддерживается вшитыми в кисею пластинками китового уса, и в огромном многоэтажном сооружении, называвшемся в те времена шляпой, прогуливается мама. Моя мама. К дому в высоком кабриолете подъезжает папа. У него толстые длинные усы и эспаньолка. Он в цилиндре и бархатном жилете, сквозь который пропущена золотая цепочка от часов. Мой папа. По саду бегают собаки. Наша собака. Иногда я говорю про нее — «моя собака». Я знаю, в соседнем доме есть еще одна собака. Чужая собака, которую запрещено трогать. И дом этот чужой. Я иногда подхожу к забору и, забравшись на него, гляжу в чужой сад. Там тоже есть мама в громадной шляпе и папа с усами и эспаньолкой. Но это чужие папа и мама. Это мистер и миссис Блеквуд, чрезвычайно загадочные господа. И жизнь их меня страшно интересует. Если бы мне сказали, что мистер и миссис Блеквуд едят по утрам такую же яичницу с ветчиной и такие же блины с кленовым сиропом, как и мы, я был бы очень удивлен. И в то же время несколько не удивился бы, если б мне сказали, что мистер и миссис Блеквуд едят по утрам раскаленное железо и при этом у них из ноздрей валит густой дым. «Не суй нос в чужие дела!» — Мой отец постоянно внушал мне это жизненное правило, которому он придавал большое значение. Но сам он постоянно совал нос в чужие дела, так как любил вечером у камина поговорить о делах мистера Блеквуда. По мнению папы, он вел свои дела не так, как нужно. И мне было приятно слышать, что дела этого чужого джентельмена идут дурно, хотя не испытывал по отношению к нему неприязни. А когда папа однажды, придя домой, сказал трагическим шёпотом: «Наш банк лопнул», — я очень обрадовался и даже захолопал в ладоши, так как это был «наш банк» и всё, что было наше, считалось хорошим. В тот же день я подошел к мистеру Блеквуду, который стоял возле своего дома, горделиво сказал ему: «Наш банк лопнул», — и был страшно удивлен, когда он погладил меня по голове и пробормотал: «Бедное дитя».

Чужая жизнь! Сидя со своими сверстниками в классе, я постоянно думал о том, как они живут дома, об их сестрах и старших братьях. Проникнуть в чужую жизнь хотя бы на час — какое это наслаждение! Когда взрослым человеком я видел на улице, в театре или в магазине незнакомую красивую женщину, которая появилась на секунду и тотчас же исчезла в толпе, — у меня было такое ощущение, точно меня обокрали. Я обожал новые знакомства и иногда даже напрашивался в гости. В каждом человеке я мечтал найти друга.

«Свое» и «чужое»! Уж как-то так получилось на свете, что с самого детства человека учили проводить между этими двумя понятиями резкую черту, и черта эта с годами становилась все резче. И вот человек произнес твердым голосом: «мой дом — моя крепость». Формула была найдена. Подальше от других, себе подобных. Запрись в своей крепости, належь воды, подними мост. Так учили нас жить. И так мы жили. Но как сопротивлялась этому человеческая природа!

Я глубоко убежден, что человек с самого дня его рождения наделен

Список профессий.

Учитель	Бюрократ
Писатель	Самозванец
Музыкант	Полковник
Космонавт	Фермер
Владелец	Мужик
Учитель	Машинист
Электрик	Водитель
Бухгалтер	Кухарка
Модельер	Фурман
Медик	
Колхозник	
Доктор	
Колхозник	

Писатели
 Михаил Булгаков
 Борис Пастернак
 Александр Солженицын
 Владимир Маяковский
 Анна Ахматова
 Сергей Есенин
 Борис Пастернак
 Александр Солженицын
 Михаил Булгаков
 Борис Пастернак
 Александр Солженицын
 Владимир Маяковский
 Анна Ахматова
 Сергей Есенин
 Борис Пастернак
 Александр Солженицын

...и много других в советской литературе, а потому не только в советской литературе, а в советской литературе.

...и много других в советской литературе, а потому не только в советской литературе, а в советской литературе.

...и много других в советской литературе, а потому не только в советской литературе, а в советской литературе.

...и много других в советской литературе, а потому не только в советской литературе, а в советской литературе.

...и много других в советской литературе, а потому не только в советской литературе, а в советской литературе.

...и много других в советской литературе, а потому не только в советской литературе, а в советской литературе.

...и много других в советской литературе, а потому не только в советской литературе, а в советской литературе.

...и много других в советской литературе, а потому не только в советской литературе, а в советской литературе.

...и много других в советской литературе, а потому не только в советской литературе, а в советской литературе.

...и много других в советской литературе, а потому не только в советской литературе, а в советской литературе.

...и много других в советской литературе, а потому не только в советской литературе, а в советской литературе.

...и много других в советской литературе, а потому не только в советской литературе, а в советской литературе.

...и много других в советской литературе, а потому не только в советской литературе, а в советской литературе.

ИЗ ЧЕРНОВЫХ ЗАПИСЕЙ Е. ПЕТРОВА К РОМАНУ «ПУТЕШЕСТВИЕ В СТРАНУ КОММУНИЗМА»

Автограф, 1939 г.

Собрание В. Л. Катаевой (Петровой), Москва

самыми замечательными свойствами — добротой, справедливостью, нежностью, любовью ко всему живому. Множество раз я наблюдал, как самые обыкновенные, ничем не замечательные младенцы, еще не научившиеся ходить и говорить, делили подаренную им конфету на несколько частей и раздавали их всем присутствующим в комнате. Совершенно несомненно, что чувство справедливости, в котором, в сущности, заключены все человеческие добродетели, так же свойственно человеку, как зрение и слух. И если бы взрослые уничтожали в детях зрение и слух с такой последовательностью, с какой уничтожают в них чувство справедливости, человечество давно уже было бы глухо и слепо. Есть люди, которые утверждают, что дети бывают злы от рождения. В качестве примера приводятся обычно мальчики, разоряющие птичьи гнезда и мучающие кошек и собак. Но эти примеры ровно ничего не доказывают, потому что такие дети уже слышали от кого-то, что можно мучить животных и разорять птичьи гнезда, и их дурные наклонности — всего лишь самые первые результаты дурного воспитания.

Как ни старались сперва родители, а потом учителя и правительства уничтожить во мне чувство доброжелательности к *чужим* людям, *чужим* школам, *чужим* футбольным командам, *чужим* городам и *чужим* странам, это чувство все-таки сохранилось во мне. Оно, правда, претерпевало большие изменения — постепенно лишалось детской чистоты, становилось холоднее и рассудочнее и приобретало все черты любопытства: но оно все-таки было, и я ему радовался (...).

И вдруг, стоя у полотна железной дороги и глядя на чистый снежный *чужой* городок в *чужой* стране, я почувствовал непреодолимое желание скорее, как можно скорее, немедленно узнать, что за люди живут в нем, как они работают, что они едят, что они любят и чего не любят. Мне захотелось вступить в разговор со старичками, остановиться и расспросить школьников, погладить кошку, напроситься к кому-нибудь в гости, подружиться с кем-нибудь, во что бы то ни стало войти в эту чужую жизнь. Но мне вернулось одно из самых сладостных ощущений детства, когда в первый раз приходишь в дом к школьному товарищу и стоишь перед парадной дверью, не решаясь и в то же время страстно желая поскорее войти. Наконец, звонишь. И ждешь с бьющимся сердцем, когда тебе откроют.

На перроне показался мистер Спрингфильд, окруженный журналистами. Надо было садиться в поезд.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Восемьсот километров, отделяющих Негорелое от Москвы, поезд проходит в четыре часа. Мне сказали, что весь путь от Негорелого до Магадана занимает всего лишь двое с половиной суток. Электрическая тяга существует только до Иркутска. Дальше, на Якутск, Оймякон и Магадан, через полюс холода, сообщение поддерживается обыкновенными тепловозами, которые прицепляются к этому самому поезду.

Раздался приятный трехтональный свисток, маленький городок, которым я только что любовался, стал быстро уходить назад. Поезд двинулся в путь.

Устроившись в купе и разложив с помощью носильщика свои чемоданы, я прошелся по всему поезду. Вагоны были совершенно одинаковы — очень удобные длинные спальные вагоны, отделанные внутри гладким полированным деревом. Коридоры и купе были покрыты толстыми красными коврами, а низкие диваны обиты светло-желтой кожей. При каждом купе, рассчитанном на одного пассажира, была смежная туалетная комната с душем и умывальником — маленький фаянсовый мир горячей

воды, толстых зеркал, нагретых простынь и полотенец. Мне сказали, что в современной России классов на железной дороге давно уже не существует, а есть просто спальные поезда дальнего следования, такие, в каком я очутился, и местные поезда, отделанные так же, как и спальные, но без купе, а с вертящимися кожаными креслами на манер нашего дневного пульмановского вагона. Продолжая свое путешествие, я прошел вагон-ресторан, где пересмеивались две девушки, накрывавшие на стол, вагон-библиотеку, где трое пассажиров уже читали газеты, а четвертый что-то быстро писал, и очутился в последнем вагоне, представлявшем собой салон-веранду. Отсюда открывался чудесный вид сразу на три стороны. Негорелого уже не было видно, нас окружали покрытые снегом леса, стремительно уносящиеся назад. Только здесь можно было составить впечатление о быстроте, с которой двигался поезд, потому что ощутить эту быстроту можно было только зрением. Не было слышно ни стука, ни шума, вагоны мчались ровно и гладко, как в маслянистой трубе.

Салон был отделан далеко не так роскошно, как, скажем, первые классы океанских пароходов в довоенной Европе и Америке, где было много позолоты, дорогих шелков, вышивок, тонких рисунков на стекле и уникальных ковров ручной работы. Но, как и все остальные вагоны, он оставлял впечатление прочности, простоты и элегантности: небольшой белый рояль, над ним, на стене, мастерски написанный натюрморт, десятка два удобных кресел и несколько жардиньерок с цветами.

Здесь собрались почти все наши американцы. Генерал Сэвидж тихо рассказывал о гибели родного брата жены нашего полковника Аткинсона, убитого на Канадском фронте в последний год войны. Генерал был свидетелем этой смерти.

— Но вы, господа, — сказал он, — не представляете себе и тысячной доли мучений, выпавших на долю нашей страны. Я не знаю семьи, где б не было покойника.

Миссис Эйли тихонько плакала, закрывая лицо платком.

— Несчастный Чарльз, — пробормотала она, — помнишь, он приезжал прощаться в Вашингтон, когда мы уезжали в Россию?

— Он был тогда совсем еще молодым человеком, — ответил мистер Эйли, — и никто из нас не думал в то время о войне. У нас, в Москве, долго не могли поверить, когда узнали, что немцы высадились в Мексике. Безумная война! Сумасшедшая война!

Итак, разговор снова шел о войне. Положительно, мы, американцы, ни о чем другом не могли говорить. Мы носили с собой тему войны, как раненый таскает свой костыль. Неужели наше несчастное поколение обречено жить войной до конца своей жизни?

Я подошел к мистеру Спрингфильду, который, не отрываясь, смотрел на убегающие из-под наших ног северные ландшафты. Он обернулся. Мы некоторое время смотрели друг на друга со значительнейшим видом. Потом он улыбнулся и сказал:

— Вот мы и в России, Юджин. В коммунистическом государстве. Вы знаете, я не будунисколько поражен, если обыкновенный шаг, который я сделаю в Москве, заставит меня, как уэллсовского героя, пролететь сразу несколько метров. Помните, как это случилось с первым путешественником на Луне? <...>

Мы еще немного поболтали, но постепенно вид покрытой снегом страны привлек все наше внимание. В сущности ничего удивительного мы не видели. Просто мимо нас с большой скоростью проносились чрезвычайно красивые, я бы сказал цивилизованные, пейзажи. Русский пейзаж всегда казался мне привлекательным, но он настраивал человека на меланхолический, минорный лад. Покосившийся горбатый мостик, перекинутый

через речку, тощая лошаденка, впряженная в телегу, оборванная босая девчонка или старик в лаптях с котомкой за спиной, на заднем плане почти вросшая в землю деревушка и средневековая византийская церковь с толстеньким зеленым куполом и высокой белой колокольней — все это было обязательной принадлежностью русского пейзажа всего лишь два десятка лет назад. И именно эти подробности давали речкам, полям, соснам и березкам оттенок грусти, так хорошо подмеченной великими русскими живописцами и писателями. В центре русского пейзажа стоял мужик (особое, непередаваемое слово, как, например, кули), заросший бородой, крепкий, как корень дуба, искривленный в работе пахарь с его жильем, примитивным хозяйством и религией, не изменившимися в течение тысячелетия. В 1939 году, проезжая этой же дорогой, я постоянно видел мужиков, самых настоящих, заросших мужиков. Они толпились на железнодорожных станциях со своими мешками, часто попадались в поле и у переездов на своих телегах. Мне объясняли тогда, что это уже не прежние мужики, что это колхозники, возделывающие свою землю сообща; но для меня это были обыкновенные мужики, и я не мог разглядеть под их бородами и простой одеждой будущих граждан коммунистического государства. Теперь я не встретил ни одного мужика.

Было бы неправильно сказать, что русский пейзаж изменился. Нет, это был по-прежнему русский пейзаж с тонкими голыми березками, хвойными лесами, уходящими к горизонту полями и небольшими пригорками; но пейзаж, так сказать, в мажоре. В нем не было больше ничего меланхолического, вызывающего безотчетную грусть. По бетонным, очищенным от снега, дорогам, пересекавшим пейзаж в разных направлениях, совершенно в американском темпе безостановочно бежали автомобили; несколько раз мы пересекали по высоким эстакадам ровные, как бы проведенные по линейке и обсаженные деревьями автострады (впоследствии я узнал, что они по всей стране обсажены фруктовыми деревьями); в поле нашего зрения попадались городки с небольшими одноэтажными или двухэтажными домами, очевидно, заменившие старые деревни и, куда бы мы ни посмотрели, глаз обязательно наталкивался на высокие башнеобразные сооружения, несомненно чем-то связанные с электричеством, потому что от них в разные стороны расходились провода. Городов мы не видели, хотя и проехали два или три больших города. Приближаясь к ним, поезд уходил в туннели и останавливался в подземных вокзалах. Там было просто, светло и не слишком многолюдно, слышались прощальные поцелуи, кто-то махал платком, кто-то в последнюю секунду вскакивал в вагон, раздавался необыкновенно приятный трехтональный свисток, и поезд, проскочив вокзальную путаницу сверкающих стрелок, снова вырывался в поле, в снежно-белый день. И снова убегал от нас модернизированный русский пейзаж, в котором было что-то американское, вернее, не было ничего американского. Это сравнение с Америкой, поразившее меня в пограничном городке, не покидало меня всю дорогу. Но чего же именно не хватало Америке, чтобы походить на Советский Союз, или Советскому Союзу, чтобы походить на Америку? Я буду еще много писать на тему Америка — Советский Союз, потому что, во-первых, я смотрел на все глазами американца и, во-вторых, я не знаю сейчас более интересной темы, чем Америка и Советский Союз. Но в ту минуту меня поразила не глубина сравнения, основанная на полярности социального устройства, а какое-то внешнее, удивительно острое различие, которое подчеркивалось несомненным сходством, но уловить которого я никак не мог. В чем тут дело? Американские просторы, американские расстояния, американские скорости, американские дороги, наконец, одноэтажные, забытые автомобилями городки — все это так. Но в чем эта разительная, кричащая разница — я никак не мог сообразить.

— Реклама! — воскликнул я вдруг, удивляясь, как это я сразу не заметил этого разительного несходства.

За всю дорогу мы не встретили ни одного рекламного плаката, в то время как в Америке рекламный плакат составлял основу любого, северного, южного или западного пейзажа, не говоря уже о восточном.

Незаметно стемнело, и в вагоне был включен свет.

— Уже лет десять, как реклама у нас запрещена, — объяснил мне Николаенко, — был специальный указ Верховного Совета. А то мы, знаете, увлеклись одно время американизацией и обезобразили рекламами все свои дороги.

— Я согласен, что реклама уродует пейзаж, — сказал я, — но ведь реклама имеет свой смысл. Должен же потребитель знать, что предлагает ему промышленность.

Николаенко некоторое время смотрел на меня улыбаясь.

— Ей-богу, я вам завидую, — сказал он наконец, — вам предстоит узнать столько интересного, что я с удовольствием поменялся бы сейчас с вами. А что касается потребителей, то они просто получают каждый год подробные иллюстрированные прейскуранты. В Америке этого, конечно, показалось бы мало, там потребителя привыкли оглушать по голове. Но практика показала, что этого совершенно не требуется. — Он посмотрел в сторону и неожиданно добавил: — А вот и Москва. Да вы не вскакивайте с места, до Москвы еще осталось километров сто. Просто начались подмосковные дачи. Но показать гостям Москву все-таки нужно. Как вы думаете, посол?

Мистер Эйли торжественно поднялся с места.

— Сейчас, господа, мы покажем вам нечто весьма интересное, — сказал он.

— Нужно потушить свет, — посоветовала миссис Траубридж. Наши московские американцы засуетились.

— С какой же он сейчас стороны? Вероятно, справа! Тушите же свет.

Мистер Эйли подвел нас к стеклу. Мы очутились в темноте. Поезд в эту минуту делал поворот, и далеко впереди, слева, над дачными огнями мы увидели бледное зарево, поднимавшееся над великим городом.

И в этом зареве совершенно ясно была видна сверкающая металлическая фигура человека с поднятой рукой. Казалось, что он сейчас зашагает прямо к нам через темные поля и леса.

— Это Ленин, — сказал государственный секретарь.

Через полчаса поезд влетел в туннель и еще через пять минут тихо остановился на Центральном московском вокзале.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Вот я и снова попал в Москву. Я был готов улыбнуться ей, как старому другу, которого не видел столько лет, раскрыть объятия и воскликнуть: «Сколько лет! сколько зим!» — но улыбки не получилось. Получилось так, что я чувствовал себя все еще мальчиком в то время, как друг сделался министром и никак не может тебя узнать.

Было бы просто глупо сказать, что Москва изменилась или обновилась. Ее не было. То, что я увидел в первый вечер, был совершенно другой город, не имеющий со старой Москвой почти ничего общего, — волшебный город, в существование которого невозможно поверить, пока не увидишь его собственными глазами.

Однако расскажу по порядку. Я решил воспользоваться советом Николаенко, который получил от него еще в поезде, и отстать от нашей делегации. План мой был таков. Меня никто не встречает. Я никого не знаю, и я ничего не знаю. Меня никто ни о чем не предупредил.

— Вообразите, что вы свалились с Луны, — посоветовал Николаенко, — или, вернее, с Марса — планеты войны. Вы марсианин, но, конечно, без этих своих боевых башен. И вот вы упали прямо в центре города — чрезвычайно приятное и полезное приключение для журналиста. А дальше — действуйте, как знаете. Единственно, в чем я могу вас уверить, — это то, что вы не пропадете.

Как только поезд остановился, в купе вошел носильщик, широкоплечий юноша в белой куртке, сказал: «Добрый вечер» и, протянув мне какую-то белую карточку, молча полез за моими чемоданами. Я повертел карточку в руках. На ней была надпись: «Центральный вокзал».

— Что я должен делать с этой карточкой? — спросил я.

Молодой человек повернулся ко мне. В его глазах я прочел некоторое любопытство.

— Напишите свой адрес и фамилию. Это для того, — пояснил он, — чтобы можно было доставить багаж.

— Я только что приехал, и у меня нет адреса, — ответил я, подбирая русские слова с некоторым затруднением.

— А ю америкен? — спросил носильщик.

— Иес, оф корс, — ответил я, — но я приехал сюда не для того, чтобы говорить по-английски.

— Жалко, — сказал он, — я люблю английский язык, но у меня мало практики.

— В таком случае могу доставить вам это маленькое удовольствие.

И мы перешли на английский язык, которым юноша владел довольно посредственно.

— Я посоветую вам, — сказал он, — остановиться в гостинице «Кавказ». Во-первых, она находится в центре, а, во-вторых, ее недавно выстроили, и она сейчас в большой моде.

— Я целиком в вашем распоряжении, — ответил я, — «Кавказ», так «Кавказ».

Он взял у меня из рук карточку и написал в ней название гостиницы и мою фамилию.

— Так не забудьте, — сказал он, — гостиница «Кавказ», Ленинский проспект.

И он исчез с моими чемоданами.

Когда я вышел на перрон, его уже не было.

Я находился в мраморном подземном зале, в котором было сосредоточено не менее пятидесяти железнодорожных линий. Я, вообще говоря, не большой поклонник техники, но то, что я увидел, восхитило меня.

Высокие своды, освещенные розоватым светом, уходили вдаль и заканчивались черными отверстиями туннелей, где виднелись разноцветные огоньки электроблокировки. Платформы отделялись одна от другой розовыми колоннами и мостами с движущимися ступеньками. Воздух был чист и свеж. В нем носился легкий запах одеколона и хорошей кожи — добрый запах далеких комфортабельных путешествий. В отличие от провинциальных вокзалов здесь было оченьлюдно; но люди, заполнившие перроны и движущиеся ступеньки мостов, совершенно не проявляли суетливости, обычной на железной дороге. Негромко переговариваясь, они шли в разных направлениях, проезжали с перрона на перрон,

Е. ПЕТРОВ, В. ЕФИМОВ, И. ИЛЬФ В НЕАПОЛЕ

Фотография, 1 ноября 1933 г.

На фото надписи рукой Е. Петрова: «Старинный замок анжуйской династии»; «Милейший в мире пассаж(ир)»; «Пароход „Рекс“»

Литературный музей, Москва

уходили в лифты и выходили из лифтов. Мимо меня, тесно прижавшись друг к другу, прошла парочка, размахивая ручными саквояжами. Это, конечно, была счастливая парочка. Я навсегда запомнил прелестный поворот девичьей головы, серую меховую шапочку, светлый локон, рождественский румянец щек и такой неистово влюбленный блеск глаз, что мне захотелось тут же немедленно повеситься, оставив записку: «В смерти моей прошу винить мою старость, а также неизвестную мне блондинку, которую я видел в течение десяти секунд». Прошла старушка, прижимая к глазам платок. Ее бережно вел под руку шестнадцатилетний мальчик. «Ты, мама, главное дело, не волнуйся, — бормотал он, — ты, главное, не волнуйся». Это, наверно, младший сын, который куда-то уезжает, а старушка пришла провожать. Или они получили телеграмму и теперь едут к тяжело больному, может быть, умирающему отцу. Мне стало жалко их, особенно мальчика, такой у него был растерянный и несчастный вид. Но тут публика расступилась, и в образовавшемся проходе показался маленький и толстый пожилой человек. Рядом со мной зааплодировали. Толстый человек неловко поклонился и ускорил шаг. «Кто это?» — спросил я соседа, который аплодировал громче всех. Сосед посмотрел на меня с таким удивлением, как будто я действительно прибыл прямо и непосредственно с Марса.

— Александр Иванович Сарафанов, — сказал он поспешно и тотчас же устремился вслед за толстяком.

То тут, то там слышался удар гонга, потом немного грустный трехтональный свисток, и от перрона бесшумно отходил очередной поезд. Судя по громадным вывескам, которые висели над каждой платформой, я находился в зале экспрессов дальнего следования. Всюду были светящиеся указательные стрелы с надписями: «На Одессу», «На Мурманск», «На Владивосток», «На Игарку», «На Шанхай», «На Ереван», «На Кабул», «На Тегеран».

Чёрт побери! Это была чужая жизнь со своими счастливыми, несчастными и знаменитыми людьми, со своими запахами и маршрутами путешествий.

Я провел в зале по крайней мере час, переезжая с платформы на платформу и любуясь беспрерывным легким и размеренным движением людей и механизмов.

Потом я вошел в один из лифтов и поднялся этажом выше.

Там был точно такой же зал, как и внизу, только разделан он был голубоватым мрамором. Сюда прибывали и отсюда отходили поезда местного сообщения. Современная техника до такой степени приблизила города друг к другу, что в сеть местного сообщения были включены Ленинград, Харьков, Киев. Поездка в эти города была делом трех-четырех часов. На Ленинград поезда отходили каждые двадцать минут.

Я поднялся еще одним этажом выше и попал на центральную станцию метрополитена.

Тут я уж ровно ничего не понял в путанице светящихся стрел и названий незнакомых мне улиц.

〈ПЛАНЫ РОМАНА〉

I

ПЛАН ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОГО РОМАНА

«Обетованная земля». «Мечта человечества».

«Страна счастья». «Как они живут».

«Я видел государство коммунизма». «Россия в 1963 г.»

1. Из старой Америки в новую Европу.

2. Франция и Германия.

3. Граница СССР. Я въезжаю в Москву. Гостиница. Первый большой разговор с человеком коммунистического государства.

4. Я возобновляю старые знакомства. Шестидесятилетние люди. Я вынимаю старую визитную карточку. Писатель Александр Самарин. Мой чичероне. Его дом.

Я становлюсь случайным свидетелем помолвки Наташи Самариной. Страшно волнуясь, она сообщает отцу, что выходит замуж.

5. Москва. Общее описание города. Музей-город (старая Москва). К счастью, во время первой реконструкции Москвы нашлись умные люди, которые оставили для потомства кусок старого города. (Остановка метро «Старая Москва».) Общие черты старого, которые прежде всего бросаются в глаза. Нет плохих и хороших частей города. Все хороши. Все разумно.

6. Я предпринимаю систематическое обследование страны.

Слишком много впечатлений сразу. Слишком много вопросов, настоятельно требующих ответа. Каковы эти вопросы.

7. Как едят люди нового общества?— Беседа с наркомом питания. Я завтракаю, обедаю и ужинаю. Национальная кухня. Выбор блюд. Дома почти никто не ест, хотя и есть такие любители. Они не пошли по американскому пути индустриализации пищевой промышленности.

8. Как одеваются люди нового общества. У портного.

9. Я хожу по магазинам. Оказалось, что для полного и всестороннего удовлетворения потребности людей нужно огромное количество магазинов (поэтому ни в одном из них нет толкотни). Удовлетворение письменных и телефонных заявок (когда-то в американской торговле по почте заказ выполнялся в течение 24-х часов с момента его получения. Сейчас он выполняется в течение часа, как бы сложен заказ ни был). Ах, как это похоже на нашу старую довоенную Америку, но без ее недостатков.

10. Медицина. Больницы. Врачи выполняют функции сиделок и сестер. Главная проблема — продление жизни. В основу положено максимально лучшее лечение каждого отдельного случая болезни. Давно развита тенденция — не лечить болезни, а предупреждать их. Статистика. Лечение рака. Уже нет безусловно смертельных болезней. Уважение, которым пользуются старики-профессора, чародеи науки. Совершенно исчезли сифилис, заражение крови. Почти нет душевных болезней. Люди, склонные к шизофрении, находятся под особым наблюдением. Сама жизнь не дает материала для обострения их болезней. За последний год не было ни одной автомобильной катастрофы, ни одного убийства. Было одно самоубийство из ревности.

11. Как они живут.

— Войдите в любой дом.

Как они отдыхают и развлекаются. Клуб — место, где человек проводит большую часть жизни. «Мне показалось, что я попал в дом к Моргану». Завклубом — любезный хозяин. Тут же парикмахерские и институты красоты.

12. Театр и кино. Кино — главным образом научное, как преподавание. Исчезает как искусство. Английский театр Шекспира. Французский театр Мольера. Малый театр, где можно увидеть все пьесы Островского. Итальянская опера. 6-я симфония Чайковского. Симфоническая музыка — самый любимый и распространенный вид музыки. Минимум два раза в неделю.

13. Литература. Книги. Библиотеки. Редакция «Правды» и редакция новой газеты — «Коммунистическая мысль». (У знаменитого фельетониста.

— Ах, если б вы знали, как я устал!

— Да вы бросьте!

— Простите, вы сошли с ума!)

14. Живопись и архитектура. Живопись вышла на широкую арену. Фрески. Станковая живопись для клубов.

15. Я задаю вопрос: «Зачем вы это делаете?»

Стимул нового общества. Есть ли у вас лентяи? — Вы никогда не спросили бы артиста, что толкает его на лучшее исполнение своей роли. Вы бы постыдились сказать, что это деньги, даже 200 лет назад. Но ведь у нас артистичность — основное. Каждый — артист в своем деле. Труд стал искусством, а с искусства не спрашивают, чем оно вызвано. Это так же глупо, как спросить у соловья, почему он поет.

16. Я ищу несчастного человека. Посещение частных домов. Семья. Похороны.

17. Я нахожу несчастного человека. На премьере пьесы, которая провалилась. Автор безутешен. «Я, кажется, застрелюсь». Оглянулся. «Только, умоляю вас, никому об этом не говорите, а то меня засмеют. У нас очень бурно выражаются страсти. Мне, правда, никто не мешал. Но эта холодность! Я целый месяц не смогу смотреть в глаза людям».

18. Образование. Школы. Университеты. Высшие университеты. Университеты обслуживания. Уроки поэзии и музыки в школе. Праздник вступления в школу. Древние языки. Мифология. Праздник окончания школы.

19. Музеи. Музей истории. Музей промышленности. Музей искусств. Музей географии с маршрутами путешествий. Кремль.

20. Путешествия. Их разнообразие. Маршруты. Окончившие высший университет с отличием едут в кругосветное путешествие. Полярные экскурсионные корабли. Курорты. Побережье Черного моря по-прежнему — лучшее место. Сплошной курорт. Для электроэнергии использована сила моря. Путешествие — любимое занятие людей коммунистического общества. Два полуторамесячных отпуска в году — зимой и летом.

21. Я еду путешествовать по стране. Я выбрал автомобиль. Национальные республики. Всеобщее знание языков — английский, французский, немецкий. (Один из них во всяком случае знал любой.)

22. Дороги и транспорт. (Дороги — вода — электричество.) Коммунизм это советская власть плюс электрификация. Организация быта. Электромобиль, электропоезд, электроход.

23. Я посещаю завод. Лабораторию, где все инженеры и руководители. Черной работы нет совсем. Вопросы труда. Работают четыре часа в день, но очень интенсивно. Механизация и автоматизация. Скоростное строительство. Автомобиль делался сам собой. Это было чудо. Но инженерам за их пультами приходилось нелегко. Это было ясно видно по их напряженным лицам.

24. Чем они увлекаются. Граммофон исчез. Не было потребителей, и его перестали изготавливать. Стили мебели. До сих пор дети собирают марки. Есть коллекционеры старинных денег и спичечных коробок. Есть любители собак, охотники, рыболовы.

25. Сельские люди. Русская природа. Не знаю, но, пожалуй, в коммунистическом государстве я выбрал бы жизнь сельского учителя. Лопата и топор. Фрукты и цветы.

26. Общественные парки. Природа.

27. Суд. Товарищеский суд. Изгнание.

Я был на заседании суда. Самый факт суда произвел на обвиняемого такое сильное впечатление, что общественного порицания оказалось вполне достаточным.

Объяснение. Когда-то самым страшным наказанием для коммуниста было исключение из партии.

28. Партия. Проблема беспартийности. Может быть, просто недостаточная активность

29. Этика коммунистического общества. Старики. Я видел женщину, которая плакала. О человеческом страдании и сочувствии чужому горю. Старая христианская мораль, отравленная денежными отношениями и экономическим неравенством, очистилась и стала реальностью.

Комфорт. Франты. (Есть и такие. Это — любимая мишень для юмористических журналов.)

30. Армия и флот из людей с высшим образованием.

31 и 32. (Статистика.) Их прошлое, настоящее и будущее. Беседа с председателем Госплана. Вот типичное советское учреждение. Автоматическое почтовое отделение. Фототелеграммы передаются непосредственно в квартиру.

— Он развернул передо мною такую картину будущей жизни, что, несомненно, я назвал бы его сумасшедшим, если бы собственными глазами не видел того, что видел.

Государство науки, созданное людьми науки.

— Да, мы мечтаем, — сказал этот старый человек, — мы всегда мечтали, но наши мечты неизменно основаны на реальной жизни. Сейчас закончилась пятилетка комфорта и началась пятилетка роскоши. Громадные человеческие силы, освобожденные от черной работы, применяются сейчас для изготовления цветов, духов, красивых украшений и т. д. Самое важное — поставить людей в равные материальные условия (это возможно только при изобилии), а дальше дать полную свободу индивидуальности.

Сейчас мы — страна электричества (подробно). Сегодня мы не знаем энергии будущего. Мне кажется, что силы электричества не использованы вполне даже сейчас.

33. На заседании Верховного Совета. Горячие споры о музыке и радио. Столкновение между композитором и радиоученым. Проблема тишины.

— Вы не имеете права лишать технику ее свободы.

— Но, однако, кто дал вам право лишать человека тишины?

Беседа с председателем Верховного Совета. Положение в мире. Достижение полного коммунизма на земле.

Праздник лета. Первое августа. <...>

34. Я еду домой. С первым экскурсионным советским электроходом. Я прощаюсь с моим любезным хозяином.

Маленький мальчик склеил из картона межпланетный снаряд.

Бабушка: «Помню, в наше время люди тоже увлекались этой идеей. Но из нее так ничего и не вышло».

Самое важное!!

Оказалось, что хорошие привычки воспринимаются людьми в тысячу раз легче и быстрее, чем плохие.

К нищете, рабству, унижениям, убийствам, войнам, воровству, предательству (перечислить) — человечество привыкло тысячи лет и все-таки не смогло привыкнуть.

К благосостоянию, подлинной свободе, достоинству, безопасности, миру, честности (перечислить) — человечество, населяющее нашу страну, привыкло через какие-нибудь пятьдесят лет.

Главная прелесть путешествия в том, что вы можете отправиться в самые отдаленные части страны в любую минуту, без всякой подготовки, без всякого багажа. Ваш дом — всюду.

II

ПЛАН

«ПУТЕШЕСТВИЕ В СТРАНУ КОММУНИЗМА»

Глава 1. — Колумб отчаливает не от того берега.

Глава 2. — Мои спутники.

Глава 3. — Первое видение коммунистического мира.

Глава 4. — Революционная Европа.

Глава 5. — Несколько мыслей мистера Р. А. Спрингфильда.

Глава 6. — От границы до Москвы.

Носильщики взяли наш багаж. Нас встречает представитель наркоминдела и посол. Проверка паспортов. «Будьте гостем». Я выражаю желание путешествовать свободно и самостоятельно. Ничего удивительного — страна как страна. Бюро обслуживания. Меня взялся подвезти какой-то молодой человек, уезжающий в отпуск. Ему, видно, очень хотелось попрактиковаться в английском языке, а мне — в русском. Разговор с ним. Он — студент, был на практике. Электромобиль. Наши — хуже. Через полтора месяца снова вернется. Выполнял работу носильщика на вокзале. Учится в институте путей сообщения. Чемпион по теннису в своем городке. Немного пейзажа. Башни — ветровые двигатели. Мол<одой> чел<овек> объяснил с цифрами. Немного о шоссе. Реклам нет. «Было решено, что они портят природу. Выпускаются общие годовые каталоги». 2 раза «заправлялись». Я понял, что для того, чтобы все узнать и все записать, потребуется по крайней мере полгода. К тому же молодой человек очень ловко стал спрашивать меня, и вскоре оказалось, что я говорю, а он слушает. Его

Выводы на анкету "Пионерской Правды"

Большинство советских писателей ^{еще} настолько молодо, что каждое пережитое событие и, несомненно, могли бы создать новый действенный роман.

Мы давно мечтаем писать для детей, но пока не решаемся. ~~Восстановить, насколько труднее и действеннее~~ ~~составить эту задачу к этой работе, насколько она трудна и действенна.~~ Но в этом случае мы по-пробуем.

Научелания. Если литература для взрослых должна помогать строить социализм, то детская литература должна воспитывать ^{наших} ~~малых~~ ^{товарищей} для самого социализма, ~~то~~ в этом направлении они будут жить.

И Ильф
Евгений Петров.

20/III-3/2

ОТВЕТ И. ИЛЬФА и Е. ПЕТРОВА НА АНКЕТУ ГАЗЕТЫ «ПИОНЕРСКАЯ ПРАВДА»

Написан рукой Е. Петрова. 20 марта 1931 г.

Институт мировой литературы им. А. М. Горького, Москва

интересовало все. Рассуждение о мировой интеллигентности. Это был чудесный собеседник. Мне захотелось с ним дружить. Мы обменялись визитными карточками. Через шесть часов мы подъехали к Москве. Пошел снег. Фигура Ленина... Она была видна за сто километров. «Приезжайте в Америку». — «Это не так просто. Для того, чтобы получить это право, надо окончить академию с отличием. А для этого надо попасть в академию».

Глава 7. — Москва вечером.

Гостиница. Я немедленно иду гулять. Ночная Москва в общих чертах. Немножко грустно, потому что все чужое. После Европы Советский Союз выглядел таким спокойным, чистым и процветающим, какой, наверно, казалась Америка русским эмигрантам, бежавшим туда от гражданской войны и разрухи. Чудесный запах — кофе и духов. Было очень много света. В каждом доме были рестораны и кафе. Я вошел в одно из них. В первый раз выяснил, что не надо платить. Разговор на страничку. Официант напомнил мне моего молодого человека. С удовольствием говорил по-английски и оказался студентом. Посетители кафе очень заинтересовались. Оказалось, в газетах уже был напечатан мой портрет. Как люди одеты. В кафе все были в вечерних костюмах. Женщины были очень элегантны. Один я в своем сером пиджаке выглядел довольно странно. Вскоре почувствовал себя, как дома. У вешалки никого не было. Просто вешали пальто и входили. Многие спорили. Играли в шахматы. В соседнем зале танцевали под радио. Музыка была негромкая и очень мелодичная. Потом оказалось, что это популярная песенка: «Мы вместе учились». Я записал слова. Вот они (текст).

Глава 8. — Москва утром.

В моей книге «СССР в 1939 году» я много писал о десятилетнем плане реконструкции города. Мне очень понравилась его логичность, смелость и широта. Теперь я узнавал основные мысли этого плана в развитом, законченном виде. В гостинице я взял путеводитель. 4 кольца и пятое — парковое. Замечательно, что навязанная старинному городу древняя кольцевая система осталась лежать в основе города. Архитектурные ансамбли. Неожиданно возникающие городские пейзажи. Все это было похоже на грандиозный Вашингтон (удесятеренный). Я вспоминаю красивейшие города мира (перечислить). Но как бы я ни любовался Пятой авеню или Централ-парком, с каким наслаждением ни разглядывал римские фонтаны, флорентийские музеи и церкви или пьядца Сан-Марко в Венеции, впечатление всегда было отравлено тем, что где-то, совсем рядом, в ужасающих условиях гнездится нищета. Несколько тяжеловесная, монументальная красота новой Москвы (пожалуй, эта монументальность подходила ей по климату) была хороша тем, что ее богатство не находилось в соседстве с нищетой. Такого я еще никогда в жизни не видел. Гармонию давала здесь не столько архитектура, сколько политика. Город пересекали три магистрали: <1> — Измайловский парк — Ленинские горы; 2) улица Горького — завод Сталина; 3) Останкинский парк — Серпуховское шоссе. Было много бульваров и каналов. Московская Венеция. Большое водное кольцо. Водяные партеры с каскадами и фонтанами. Особенность столицы — тишина. Только звуки голосов. Никогда не думал, что большой город может быть отличным местом для гуляния. Движущиеся лестницы над перекрестками. В некоторых местах они были под перекрестками. Весь город в деревьях. Сейчас они были голы. Центральный вокзал, как и в Нью-Йорке, под землей. Техника не выпирала наружу, как в Америке. Она была тщательно скрыта. Любимое средство сообщения москвичей — по-прежнему метро — можно попасть в любой нужный пункт. Общее протяжение

сети — около пятисот километров. Кроме того — подземные туннели для транзитных автострад, подземные гаражи (под каждым домом). Ясность и чистота воздуха, хотя город не только административный и культурный, но и промышленный центр. Дворец Советов. Музей «Наше прошлое, настоящее и будущее». Дом тяжелой промышленности. Дом электричества. Дворец музыки (консерватория, концертный зал). Дворец обслуживания (здесь — наркомат обслуживания и самый большой университет обслуживания). Дворец медицины. Кремль.

Я был счастлив и поражен так, как будто попал в собственное детство, когда ничто не мешает наслаждаться жизнью. Много стариков на улицах. Я вспомнил, что тогда стариков было мало, во всяком случае, они были незаметны. У них много времени, и они прогуливаются. Я наблюдал за одним из них (подробно).

Гуляя по Москве, я все время вспоминал Америку, добрую довоенную Америку: было много общего, и в то же время это было совсем не то. Я даже почувствовал зависть — так они были независимы, оживлены, может быть чуточку бесцеремонны и вместе с тем изысканно вежливы. Я вдруг с необыкновенной остротой почувствовал отсталость моей страны. Американская демократичность слишком груба, в ней нет никакой тонкости. Вечная погоня за деньгами сделала людей суетливыми, беспокойными, иногда надоедливыми, американская демократичность шла не от народа, а от денег, от удачливых коммерсантов. В Англии демократичность доброго старого времени тоже шла не от народа. Я бы сказал, что это была аристократическая демократичность. Это была демократичность лорда, подающего руку своему шоферу из принципа (и перед выборами). Здесь демократичность шла от народа. Ее никто не насаждал. Она вышла естественно из революции. Сперва она была страшно груба. Люди толкали друг друга в трамвае, наступали на ноги и не извинялись и т. д. И происходило это потому, что в детстве их не учили, что так делать нехорошо, а в десятилетнем возрасте гнали работать, и мальчишки начинали пить водку уже в четырнадцать лет, а то и раньше. Новые поколения росли естественно, как растет дерево. Общая интеллигентность закончила дело. Несколькими городскими сценками. Люди. Наблюдения.

Глава 9. — Я возобновляю старое знакомство.

Я извлекаю пожелтевшую визитную карточку. Узнаю адрес. Телефона у него нет. «Вероятно, товарищ Самарин просто не хотел, чтобы у него был телефон». Домик в саду на Клязьме. Клязьма — пригород Москвы. Конечная станция метро. Писательские названия улиц сохранились. На углу Пушкинской и Жуковской. Двери открыла молодая женщина. «Вы ведь не от газеты? — спросила она жалобно. — Папа работает». Я успокоил ее. «Я помню маленькую девочку, которая сидела у меня на коленях, когда ваш папа доказывал мне, что мир капитализма обречен и что вот эта маленькая девочка будет жить в коммунистическом обществе». — «Через час он кончит работать». Мы пошли гулять по саду. Старик Самарин. Его увлечение рыбами. Наташа уходит в больницу. Отец рассказывает про нее.

Глава 10. — Старик Самарин показывает мне старую Москву. Город-музей.

Глава 11. — Проходная. Уже две недели в Москве. Самарин помогает мне составить план книги. «Начинайте с того, что люди едят, как одеваются, что любят и чего не любят, как отдыхают, как влюбляются. Не бойтесь точности, не пренебрегайте подробностями. Иногда писатель боится, что это, мол, не будет интересно его читателям. Это потому, что подробности надоели ему самому. Помните, если что-либо ясно вам, то это вовсе

не значит, что оно ясно читателям. Ваш долг журналиста и честного человека — как можно объективнее рассказать американцам про наше государство. Не бойтесь цифр. Плюньте на развлекательность. Читатели вам все простят, лишь бы вы написали правду».

Немного о мистере Фингльтоне и Одри. Я посетил посольство. Посол, который путал «у нас» и «у них».

Глава 12.— Я начинаю систематическое обследование. Народное питание. Беседа с наркомом народного питания.

Глава 13.— Я хожу по магазинам. Одри набрала массу вещей и теперь не знает, что с ними делать. Я одеваюсь. У портного. Беседа с наркомом обслуживания. Университеты обслуживания.

Глава 14.— Клуб — место, где человек проводит большую часть своей жизни. Начало романа. Разговор с Наташей по душам. В наших настроенных много общего. Знакомство с доктором Сапожковым. Доктор оказался очень симпатичным человеком и видно нравился Наташе, что мне сразу не понравилось.

Глава 15.— Медицина.

Глава 16.— Я ищу несчастного человека и в конце концов начинаю думать о самом себе.

Глава 17.— Я нахожу несчастного человека *. Московские театры.

Глава 18.— В редакции «Правды». Номер газеты, из которого видно, чем живет страна.

Глава 19.— Наташа едет со мной путешествовать. К сожалению, едет и доктор Сапожков. Старик вырабатывает план путешествия. Сам он ехать не может. «Пока не кончу романа, не тронусь с места». Путешествия. Их разнообразие.

Глава 20.— Весна. Мы выезжаем. Дороги. Организация быта.

Глава 21.— Я задаю вопрос — зачем вы это делаете? Стимул нового общества.

Глава 22.— Я посещаю завод. Труд. Техника. Дисциплина, вошедшая в привычку.

Глава 23.— Проходная. Мы едем. Пейзажи. Образование. Школы. Университеты. Этика.

Глава 24.— Национальные республики. Крым. Курорты. Мы едем вдоль крымского и кавказского побережья.

Глава 25.— Сельские люди. Вообще люди коммунизма. Чем они увлекаются. Отсутствие стандарта.

Глава 26.— Общественные парки. Напоминают Америку.

Глава 27.— Суд и право. Армия и флот. Элементы государства, которые, как это ни странно, не мешают жить людям на свете. Из института подавления государство превратилось в институт защиты общества.

Глава 28.— Смерть старика.

Гл.— Я нахожу свое счастье.

* Среди подготовительных записей к роману есть такая: «Я нахожу несчастного человека (драматург, пьеса которого провалилась)».

ФРАГМЕНТЫ ИЗ НАЧАЛЬНЫХ ГЛАВ РОМАНА

〈ИЗ ГЛАВЫ ВТОРОЙ〉

В состав чрезвычайной делегации входят еще два человека: пресвитерианский епископ мистер Даниэль Суинни, председатель комитета помощи голодающим, и представитель промышленности мистер Чарльз Фингльтон.

Если преподобный Суинни представляет собой круглый нуль, то перед фамилией Фингльтон я, не задумываясь, ставлю знак минус. Именно этому господину я обязан тем, что с утра до вечера нахожусь в состоянии раздражения. Он до такой степени нахален и толстокож, что никакие намеки на нежелательность его общества не могут его пронять. В этом человеке сосредоточились все американские недостатки и нет ни одного из американских достоинств. При этом недостатки, которые у иных моих соотечественников носят довольно милый и безобидный характер и составляют лишь еле заметную черту, у мистера Фингльтона доведены до крайности, очищены от примеси всего симпатичного и человеческого. Они заложены в его натуре, так сказать, в химически чистом виде. Американцы чрезвычайно общительны. Мистер Фингльтон надоедлив. Американцы знают себе цену. Мистер Фингльтон самонадеян. Американцы любят грубоватую шутку. Мистер Фингльтон обладает остроумием жеребца и в состоянии издавать одно лишь ржание. Американцы иногда чересчур оптимистичны. Мистер Фингльтон просто глуп. Американцы деловиты и уважают деньги немного больше, чем они того заслуживают. Для мистера Фингльтона деньги — это все, это предмет его страстной любви, это постоянная тема для разговора, это бог, которому он молится. Наша обычная американская способность делать быстро деньги доведена мистером Фингльтоном до виртуозности. Она превратила его в своеобразного маляка, в какой-то автомат для выколачивания денег. В истории человечества не было войны или кризиса, которые не рождали бы нуворишей, эту отвратительную разновидность могильных червей. Я очень хорошо помню дельцов, разбогатевших на войне 1914—1918 годов. Это была весьма противная публика. Туповатые, ослепленные своим богатством люди, они с комической важностью покупали картины, везли из Европы целые замки, с важным видом слушали в Карнеги-холл Баха и Брамса и обвешивали своих вульгарных жен и хорошеньких любовниц драгоценностями с таким усердием, с каким дети украшают елку. Но мир изменяется к худшему. В этом смысле я присоединяюсь к мнению всех стариков. По сравнению с нуворишами, которых выплеснула на поверхность последняя война, те люди представляются мне чрезвычайно интеллигентными и в общем безобидными людьми. Весь ужас существования мистера Фингльтона и ему подобных заключается в том, что они, подобно прежним нуворишам, создают послевоенную моду. Они задают тон жизни. Их неприкрытый цинизм привел к тому, что современная состоятельная молодежь ничем, собственно говоря, не отличается от животных. Все эти демонстрации голых, помпейские собрания, от которых даже прожженный парижский холостяк мирного времени пришел бы в ужас, все эти папуасские танцы, клубы кокаинистов и курильщиков опиума, официальный союз гомосексуалистов и лесбиянок, романы с описанием пятисот способов любви (их вы можете найти в любой добропорядочной гостинице) — все это настолько чудовищно, что не уместается в моем сознании.

Мистер Фингльтон едет не один. Он взял с собой дочь, восемнадцатилетнюю девицу по имени Одри. Когда началась война, этому существу было всего шесть лет. Сейчас это образцовый экземпляр богатой послевоенной девушки. Не знаю, может быть я действительно достиг того предела

старости, когда человек просто перестает понимать настоящее, когда между молодостью и старостью образуется совершенно непроходимая пропасть, но Одри для меня так же непонятна и чужда мне, как жительница Марса.

Кто бы мог подумать, что, эволюционируя в течение нескольких миллионов лет, самая обыкновенная обезьяна превратится в конце концов в такое совершенное по красоте животное, как Одри, сохранив при этом в полной неприкосновенности свой обезьяний ум!

Разумеется, Одри очень довольна той жизнью, которую она ведет. Она довольна своим положением, своими друзьями, которые, провожая ее на пристани, пели модную похабную песенку: «Нам начхать на все на свете». Она довольна даже тем, что сейчас происходит в Америке. У нее нет этого ощущения потери, которое томит людей моего возраста. Я силюсь быть объективным. Я собираю все доводы в пользу этой красавицы. Ведь в двадцатых годах, когда я был молодым жеребенком, мне тоже были непонятны вздохи стариков. Я жил тогда полной жизнью, веселился направо и совершенно не думал об инвалидах и безработных. Тогда тоже было вызванное войной падение нравов. Тогда тоже пьянствовали девушки из хороших семей, носили короткие юбки и больше всего боялись, что кто-нибудь может заподозрить их в целомудренности. Однако тем временам позавидуют сейчас даже квакеры из штата Пенсильвания.

Одри — великолепный образец современной моды. Когда нас познакомили, она сказала:

— Послушайте, для своих лет вы отлично выглядите. В последнее время мне надоели молодые. Пользуйтесь случаем.

А ее болван-папаша, вместо того, чтобы простонать: «Ах, Одри, как ты можешь» или что-нибудь в этом роде, похлопал ее по спине и, восторженно хохоча, заорал:

— Нет, честное слово, этой девке цены нет!

И тут же, считая, очевидно, что нет такого предмета в мире, стоимость которого нельзя было бы определить при помощи денег, добавил:

— Моя Одри стоит по крайней мере двести миллионов золотом! А если перевести это на сегодняшний курс, то бумажки не поместятся даже на этом пароходе.

За время шестидневного путешествия по океану (когда-то «Куин Мэри» проходила это расстояние в четыре с половиной дня), я очень хорошо присмотрелся к Одри. Вот краткий результат.

Что Одри знает:

Она знает, что Земля круглая. Знает, что есть Атлантический и Тихий океаны, река Миссисипи и хлебная биржа в Чикаго. Из сорока девяти штатов Америки она могла назвать только шесть: Нью-Йорк, Калифорнию, Флориду, Нью-Джерси, Пенсильванию и почему-то Орегон. Она знает, что счастье человеку могут принести только деньги. Знает фамилии Вашингтон, Рузвельт, Буолти (знаменитый боксер), Гэмперс (автор порнографических романов), Лонгфелло и Шекспир. Последних двух она знает понаслышке, но не читала. Когда я спросил, почему, она ответила: «А пусть все они идут к чертям собачьим». Она знает все, что касается отношений между мужчиной и женщиной, и очень любит об этом говорить. Считает, что рожать детей «могут только негритянки» и что это «не дело для белой женщины». Она отлично знает породы собак и назвала мне семнадцать особенно модных. Она знает буквально тысячи неприличных анекдотов и записывает их в книжку, чтобы не забыть. Она знает, что Россия — страна, где живут сумасшедшие, но ехать в Россию не боится, так как «эти сумасшедшие — тихие и безопасные». Одри твердо знает, что она высшее существо и таких, как она, есть во всей Америке не более тысячи, но тем

1.

Тонкая дипломатия

- Ха! - сказал Колупаев, проглотившим
~~чужой язык~~ ~~свечей~~ номер Рабочего
Москвы.

- Ха! Ха! и еще раз ха!

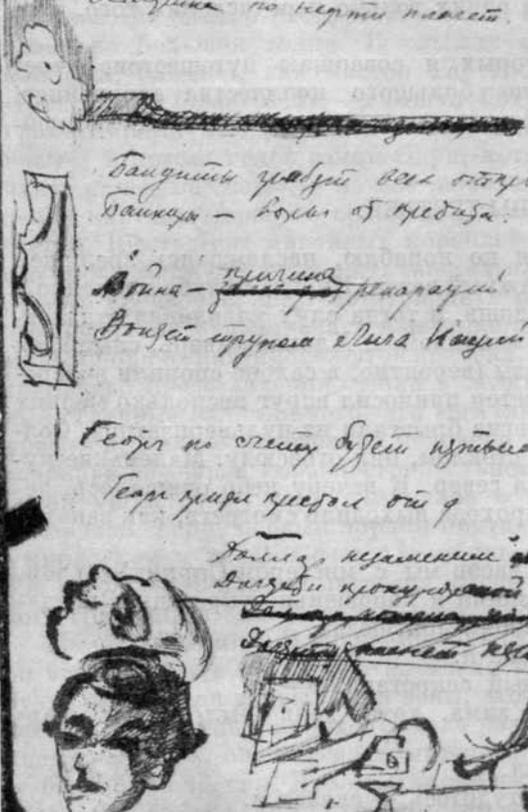
Ахиль ~~и~~ усмехнулся шло
Ахиль по перти налетел.

Бандитский урядей все отучило
Банкары - Волки от хлеба.

Вина ~~принимая~~ ~~разражен~~
Винцей шуршала вша Кошкин.

Георг по слезу бужет извивая
Георг уари хлеба от 9

Ахиль, керамические ~~от~~ ~~в~~ ~~в~~ ~~в~~ ~~в~~
Ахильи крохотура ~~и~~ ~~и~~ ~~и~~ ~~и~~ ~~и~~
~~Ахильи крохотура и~~
~~Ахильи крохотура и~~

ЧЕРНОВЫЕ НАБРОСКИ И. ИЛЬФА И Е. ПЕТРОВА

Рисунки, название и четыре строки прозаического отрывка «Тонкая дипломатия» — автограф Е. Петрова; начало незаконченной стихотворной сатирической «азбуки» — автограф И. Ильфа. 1930-е годы

Литературный музей, Москва

не менее есть хорошенькие мальчики даже из низших слоев и в этом не ничего плохого. Она, видите ли, демократична. Она знает сто двадцать видов выпивки, но предпочитает чистый спирт.

Чего Одри не знает:

Она не знает, как растет хлеб, почему идет снег, что такое молния и каким образом вырабатывается стекло. Из всех планет она назвала мне только одну — Уран («у нее такие колечки», хотя «колечки» у Сатурна). Она не знает таких фамилий, как Толстой, Марк Твен, Хемингуэй, Микеланджело, Пастер, Бетховен, Диккенс, Гете, Данте, Юлий Цезарь, Чайковский, Коперник, Фултон и Франклин. Не знает, что такое система кровообращения. Не знает, что есть такая река — Нил. Не знает разницы между Арктикой и Антарктидой. Не знает, что слово «любовь» можно употреблять также и в возвышенном смысле. Ничего не знает о геологических эрах и о происхождении человека. Не может назвать ни одной огнедышащей горы. Никогда не видела живой курицы, утки, лошади. Можно было бы написать целую книгу из одних только перечислений того, чего Одри Фингльтон не знает.

Вот те люди, в обществе которых я совершаю путешествие через океан, если не считать довольно большого количества европейцев, застрявших в Америке из-за неожиданно начавшихся военных действий.

«ИЗ ГЛАВЫ ТРЕТЬЕЙ»

Целыми днями я прогуливался по кораблю, наслаждаясь зрелищем зеленого весеннего океана. Дул влажный ветер. Иногда палуба медленно и неглубоко уходила из-под моих подошв, и тогда слух улавливал отдаленный десятком этажей мерный шум механизмов. Хлопала дверь, слышался обрывок громкой французской фразы (вероятно, в салоне спорили возвращающиеся на родину французы), ветер приносил вдруг несколько мелких водяных капель, будто на щеку слегка брызгали из пульверизатора. Солнечный свет, отраженный медью и стеклом, бил отовсюду. Маленькие кучевые облака стремглав неслись на север. К вечеру небо очищалось, делалось холодно, и все население парохода выходило смотреть, как закатывается солнце.

В один из таких предвечерних часов мы с мистером Спрингфильдом, заняв удобные для наблюдения позиции и хорошенько укрывшись пледом, лежали на верхней палубе в своих лонгшезах.

— Стало совсем холодно, — сказал я.

— Да, — ответил государственный секретарь.

— Похоже, что возвращается зима, хотя день был почти жаркий.

Мистер Спрингфильд не ответил.

— Я боюсь, Ральф, что вы простудитесь, — сказал я.

— Не думаю, — ответил он, — я тепло одет.

— Почему человеку свойственно любить природу? — сказал я. — Мне кажется, он должен ее ненавидеть или же относиться к ней с таким равнодушием, с каким умирающий относится к здоровому. Человека должно раздражать бессмертие природы.

— Меня оно не раздражает, Юджин.

— Меня тоже. Но я говорю вообще.

Мы молчали. Беседа не клеилась. Я уже третий день не решался обратиться к Ральфу с просьбой об интервью для моей газеты. Он казался мне таким угнетенным, постаревшим и сосредоточенным на какой-то мысли, что у меня язык не поворачивался спросить его, что он думает о послевоенном положении мира (...). Я некоторое время боролся с собой — вернее,

человек боролся во мне с редактором — и когда, наконец, редактор победил и я уже собирался достать из кармана записную книжку, к нам подошел капитан.

— Как, уже? — спросил мистер Спрингфильд приподымаясь.

— Да, господин секретарь. Я пришел, чтобы сообщить вам об этом. Мы только что вошли в эти воды, сэр.

Мистер Спрингфильд быстро поднялся.

— Юджин, — сказал он, неожиданно высоким, почти дамским голосом, — сейчас мы проходим то место, где два месяца назад решалась судьба Соединенных Штатов. Под нами, на глубине трех с половиной миль, лежит весь англо-германский флот и почти весь американский.

Государственный секретарь застегнул пальто на все пуговицы, поднял воротник, поплотнее нахлобучил шляпу и торопливо зашагал к борту парохода. Мы с капитаном пошли за ним.

Известие быстро распространилось, и вскоре вокруг нас образовалась довольно большая толпа. Я слышал солидное покашливание генерала Сэвиджа, слышал, как мистер Тартаковский пробормотал нечто вроде: «Боже мой, боже мой», — слышал бодрый голос Фингльтона, который громко крикнул: «Да иди же сюда, Одри, тут случилось что-то интересное!» — и потом голос самой Одри, которая тихонько пропела: «Нам чхать на все на свете», — но мое воображение лихорадочно работало, создавая картину морского сражения, какого еще не знала история человечества. Шестьдесят линейных кораблей водоизмещением в восемьдесят и сто тысяч тонн, тридцать пять авиаматов, сто двадцать линейных и двести легких крейсеров, шестьсот тридцать пять лидеров и миноносцев — все это перестало существовать в течение двух с половиной часов. За такой микроскопический промежуток времени, которого не хватит даже для театрального представления, ушли в ледяную январскую воду исковерканные огненные обломки того, что еще так недавно кичилось своей грозной красотой, было ослепительно надраено и представляло собой величайшее собрание шедевров кораблестроительного искусства. И с ними в ледяной океан ушли сорок семь адмиралов с гениальным спасителем Америки Джорджем Герн, первым лордом британского адмиралтейства Клифордом Уимблденом и графом фон Ахтенбургом, семьдесят шесть тысяч офицеров и больше миллиона матросов, среди которых не было, конечно, ни одного графа и ни одного лорда.

Мы сняли шляпы. В это время солнце коснулось горизонта и стало быстро втягиваться в воду. Оно не могло не показаться нам кровавым. Как будто сам дьявол вскрыл свои вены, чтобы написать кровью этот ужасный пейзаж. От солнца к пароходу стала разливаться сияющая кровь. И вдруг мне показалось, она слегка дымится. Я почувствовал, что дрожу. Но это не был обман зрения. Дымка становилась более густой и плотной. Вскоре испарения стали такими густыми, что от кровавого заката остался только смутный розоватый свет. Но скоро исчез и он. Неожиданно стало совсем тепло.

— Мы вошли в Гольфштрем, сэр, — доложил капитан мистеру Спрингфильду.

Он ничего не ответил. Без шляпы, сгорбленный, тяжело опираясь на поручни, он смотрел вниз, на воду. Мне показалось, что его голова немного трясется.

Гольфштрем! Как это я мог забыть! Сражение при Гольфштреме. Вот под каким именем войдет оно в историю.

До него самым большим морским сражением в истории был Ютландский бой. Тогда, в 1916 году, германский флот открытого моря встретился с британским Грэнд-флитом, превосходящим его вдвое. Встреча была

случайной. Если англичане искали немцев, чтобы их уничтожить, то задача немцев заключалась в том, чтобы всячески избегать английского флота. Встреча была для немцев совершенно неожиданной. Поэтому основной маневр германского командования был направлен к тому, чтобы как можно скорее выйти из боя. Этим, собственно, и можно объяснить незначительность потерь с обеих сторон — уничтожено было всего двадцать пять кораблей, а убито около девяти тысяч человек. Основные силы и английского и немецкого флотов были сохранены. По сравнению с Гольфштремским боем, Ютландский кажется нам сейчас маленькой стычкой. Большинство известных морских сражений неизменно проходили при желании одной из сторон избежать столкновения. Одна из сторон всегда была вынуждена сражаться. Так было при Трафальгаре. И при Коронеле и при Фолькланде. Так было при Синопе. Так было при Цусиме. Бой принимался только потому, что другого выхода не было. Надо было либо капитулировать, либо умереть, либо, как это удалось немцам, уйти.

Гольфштремский бой был первым в истории боем, когда противники искали друг друга.

Я высказал свои соображения генералу Сэвиджу.

Густой и душный туман прогнал нас в курительный салон. Мы пили кофе, курили сигареты и говорили. Мы все еще были бледны, и только мистер Фингльтон оставался таким же красномордым, как всегда. Он, подпрыгивая, бегал по салону, шевелил своими толстыми губами и что-то записывал в записную книжку. Одри ушла к французам, и мы на некоторое время были избавлены от необходимости слушать раздражающий мотивчик: «Нам начхать на все на свете» <...>.

— Вот! — крикнул вдруг мистер Фингльтон, который в течение всего разговора продолжал бегать по салону и записывать что-то в свою записную книжку, — я подсчитал. Если в среднем оценить каждый корабль в десять миллионов золотом, выходит, что за два с половиной часа пошли на дно десять миллиардов. Попробуйте теперь подсчитать цену выпущенных снарядов и цену миллиона матросов. Нет, честное слово, промышленность на этом неплохо заработала. А сколько еще заработает. Ведь новые-то флоты придется строить? Честное слово, господа, я предвижу большое оживление в промышленности.

— Во сколько же вы оцениваете каждого матроса? — спросил мистер Спрингфильд с откровенным отвращением, которого, однако, мистер Фингльтон не заметил.

— Я оцениваю приблизительно в сто долларов каждого, сэр. Если считать по золотому курсу.

— Почему же, м-м-м, вы остановились на этой цифре?

— Я подсчитал стоимость обмундирования и личного вооружения каждого, — с готовностью ответил представитель промышленности. — Причем, прошу заметить, я считаю по себестоимости моих филадельфийских фабрик.

— Но кроме вооружения и обмундирования, произведенных на этих ваших филадельфийских фабриках, — сказал государственный секретарь, сильно покраснев, — существует еще, существует еще...

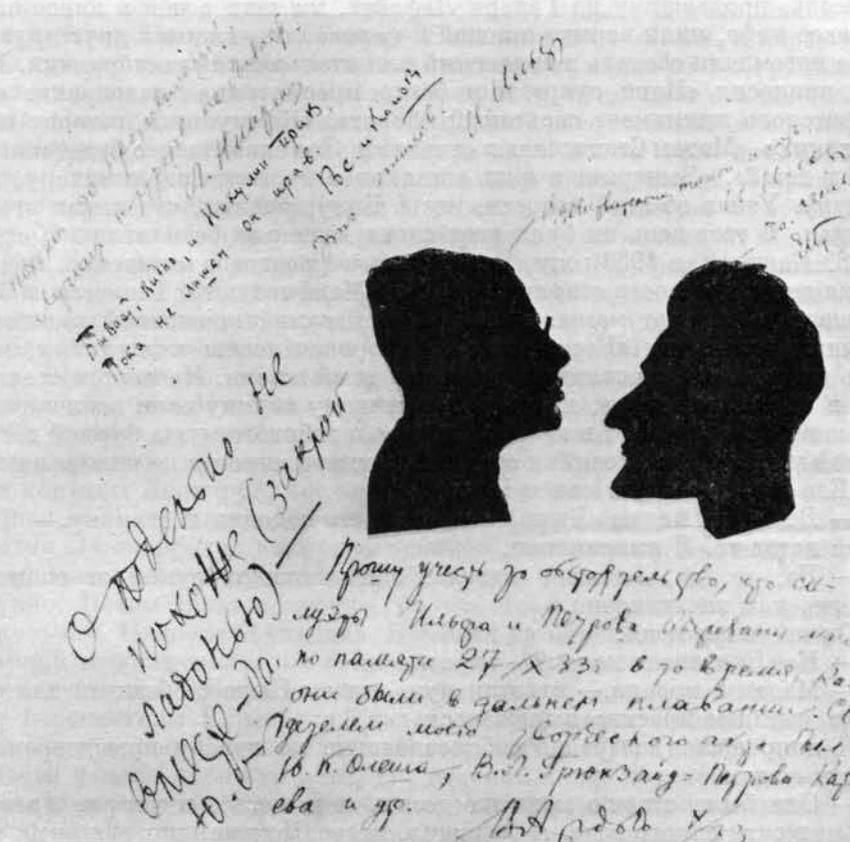
Он поднялся с кресла и пронзительно закричал:

— существует еще кое-что, сэр, мистер Фингльтон! Еще кое-что, сэр, мистер Фингльтон! Еще кое-что! И оно стоит по вашему курсу, стоит по вашему курсу больше, чем вы думаете, мистер Фингльтон, сэр! Гораздо больше, чем вы думаете, мистер Фингльтон, сэр!

— Простите, я вас не понимаю, господин секретарь. Что вы еще имеете в виду? — спросил мистер Фингльтон с детской откровенностью.

— Людей,— ответил мистер Спрингфильд, снова усевшись на кресло и закрыв глаза.— Я имел в виду людей, мистер Фингльтон. Вас при этом я в виду не имел.

— Я не матрос и еще, слава богу, не погиб!— сказал мистер Фингльтон и громко захохотал, очевидно, очень довольный своей шуткой. Довольно прямой намек государственного секретаря остался непонятым.

И. ИЛЬФ и Е. ПЕТРОВ

Силуэты, вырезанные В. Е. Ардовым 27 октября 1933 г.

Справа, наверху: «Я действительно такой и есть. И. Ильф»; «Да. Очень. Е. Петров». Сходство подтверждается также надписями Л. Никулина, Вс. Иванова и Ю. Олени. Внизу помета Ардова о времени исполнения силуэтов

Центральный архив литературы и искусства, Москва

И этот вот человек вместе с сотней ему подобных является фактическим хозяином Соединенных Штатов Америки! Он определяет уровень жизни, диктует свои вкусы искусству и литературе, предъявляет свои требования науке, влияет на политику, является полным властелином экономики и образцом для морали!

Я поглядел на мистера Спрингфильда. Он по-прежнему сидел в кресле, вытянув ноги и закрыв глаза. Только пальцы правой руки, свесившейся вдоль кресла, выстукивали дробь по его натянутому, как барабан, кожаному боку. Мистер Спрингфильд думал. Не о том ли, о чем думал я?..

〈ИЗ ГЛАВЫ ЧЕТВЕРТОЙ〉

В Париже мы пробыли всего пять часов. Почти все это время я провел на улицах города, смешавшись с толпой. Я переезжал в метро из района в район, и почти всюду меня преследовали воспоминания молодости. Здесь, на углу Рю де Рен и площади Монпарнасского вокзала, я обыкновенно поджидал... боже ты мой, неужели я забыл ее имя!.. кажется Люсьен или Марсель, продавщицу из Галери Лафайет, мы шли с ней в какое-нибудь дешевое кафе, пили вермут с водой и целовались, сжимая друг другу руки, а потом шли обедать в испанский или итальянский рестораник. Мальчик приносил «Пари суар», и я бегло просматривал заголовки: «Дело Стависского принимает серьезный оборот», «Коммунисты готовят интерpellацию», «Мадам Стависская в отчаянии. Она сказала, что будет жить для своих детей», «Выигрыш в пять миллионов достался парикмахеру, месье Бонуру. Узнав об этой новости, месье Бонур заявил, что никак этого не ожидал. В этот день он брил всех своих клиентов бесплатно». Когда это было? Кажется, в 1933 году. Вот маленькое почтовое отделение, где я получал деньги от моего старика из города Мемфиса, штат Теннесси, и благожелательные письма от мамы. Здесь, в этой самой крошечной гостинице с пышным названием «Королевская», я провел десять счастливых, может быть даже самых счастливых месяцев в моей жизни. На пороге стоял старик в зеленом фартуке, подставив весеннему солнцу свои всклокоченные белые волосы. Я узнал в нем безличного и забитого мужа бурной деспотической мадам Бюре, хозяйки отеля. Его никто никогда не называл по имени. Его звали — «муж мадам Бюре».

— Вы муж мадам Бюре? — спросил я, подойдя к старику. — Я жил у вас когда-то. Я американец.

— Да, да, да, — сказал старик, заслонившись рукой от солнца, — как же, как же, конечно.

Он не узнал меня.

— Как поживает мадам? — спросил я.

— Мадам в могиле, — ответил муж мадам Бюре с обычным для французов умением красиво выражаться.

Я попрощался, выразив соболезнование по поводу преждевременной смерти мадам.

— Она была старше меня на десять лет, месье, и умерла в возрасте восьмидесяти одного года. А я дожил, месье. Я дожил до этих дней, когда я снова могу сказать, что я француз. Франция жива, месье! Так и скажите вашим американцам — Франция жива!

〈...〉 Я повернул от Лувра к площади Карусель, прошел под аркой и на минуту остановился. Передо мной лежала великая магистраль — аллея Тюильрийского сада с большим фонтаном, дальше площадь Согласия и, наконец, Елисейские поля и площадь Звезды с Триумфальной аркой, которая казалась отсюда маленькой, как спичечная коробка. И вдруг я отчетливо, как будто это 〈было〉 вчера, вспомнил неожиданно теплый, почти весенний воскресный день в конце ноября 1933 года. Весь этот день я провел один. Помню, что встал я очень рано, так как меня разбудило солнце, и тотчас же вышел на улицу. Муж мадам Бюре, по обыкновению торчавший у входных дверей, приветствовал меня своим обычным: «Как дела, месье?» Денег у меня было очень мало, и я выпил кофе-крем и съел круасен в маленьком быстро напротив, где такая же деспотичная и толстая хозяйка, как мадам Бюре, сказала мне: «С добрым утром», — а ее муж, такой же забитый и безличный, как муж мадам Бюре, сказал мне: «Как дела, месье?» Не знаю, почему я так отчетливо запомнил этот день — ведь со мною не случилось ровно ничего удивительного! По рю де Севр проехал

на велосипеде молодой человек с деревенским лицом в зеленом фраке и позументами, наверно лифтер из дорогой гостиницы. Я прошел мимо рестораника «Маленькая Лютеция», где я иногда обедал. Рестораник еще не открывали. Я заглянул в витринку, где был выставлен большой лангуст и висел плакатик, извещающий, что в «Маленькой Лютеции» можно пообедать за 7 франков, и увидел хорошенькую официантку, которая обычно мне подавала. Она прижимала к груди большую скатерть, собираясь накрыть ею стол. Увидев меня, она улыбнулась и зашевелила губами. Конечно, она говорила: «С добрым утром, месье». Я поклонился ей и пошел дальше. На станции Севр — Бабиллон я спустился в подземелье метро, где меня охватили теплые и затхлые оранжевые субтропики, и поехал к площади Согласия. Когда я подвинулся, невысокое солнце ослепило меня. Около одного из фонтанов Тюильрийского сада толпились нарядные мальчики. Они пускали парусные яхты. К яхтам были прикреплены номера. Очевидно, мальчики готовились к детским гонкам. Париж был так хорош, что об отъезде в город Мемфис, штат Теннесси, не хотелось и думать. Так человек, точно зная, что он умрет, отталкивает от себя мысль о смерти. Я пошел в Лувр и провел там весь день. Галерея Аполлона была полна солнцем. В рубенсовском зале на плюшевом диванчике сидела заплаканная худая дама в черном платье, и я вдруг подумал, что она — самоубийца. Вообще я помню, о чем я тогда думал. Я думал, что в живописцах Возрождения, помимо вдохновенной чистоты письма, поражает удивительное, нечеловеческое усердие. Сто жизней понадобится современному живописцу, чтобы написать, хотя бы чисто технически, такое количество полотен, какое написали Рубенс или Тициан. Потом я рассматривал картины Делакура, восхищаясь его львами. В особенности мне понравился лев с кроликом. Наконец, я попал в египетский зал и до самого закрытия Лувра бродил вокруг деревянной раскрашенной статуи, изображавшей молодую египтянку в натуральную величину. Вдруг сделалось пасмурно. Потом снова солнечно. Потом стало смеркаться, и прозвонил колокольчик. Надо было уходить. Я вышел на площадь Карусель, прошел под аркой и остановился на том же месте, где стоял сейчас. Пока я был в музее, очевидно прошел короткий дождь, но небо уже очистилось, и в конце перспективы Елисейских полей, над площадью Звезды, небо было светло-зеленое, как ранняя слива. В этот день я с утра ничего не ел, и от усталости у меня дрожали ноги. На главной аллее Тюильри лежали мокрые желтые листья. Мимо проходили усатые французы с зонтиками под мышкой. Вечер приближался медленно, но Триумфальная арка была еще видна. И неожиданно на всем протяжении Елисейских полей зажглись электрические огни. Арка сразу же исчезла, небо стало еще зеленее, и я вдруг почувствовал приступ такого необыкновенного, беспричинного, ослепительного счастья, что из глаз мгновенно выступили слезы. Я даже слегка задохнулся. Такую радость я испытывал в детстве, когда нас отпускали из школы на летние каникулы. Переэкзаменовок нет, впереди долгое лето, долгая жизнь, которая никогда не кончится.

Так было ровно тридцать лет назад. Теперь тоже был вечер, и на Елисейских полях враз зажглись огни и небо над площадью. Звезды были повесенному чистого желтого акварельного цвета, и люди вокруг меня были счастливы и необыкновенно возбуждены, а я никак не мог вызвать в себе того чувства. Я только мог вспомнить о нем и объяснить его. Тогда я воспринимал Париж сердцем — теперь я воспринимал его умом. Проще говоря, я был молод.

Стал ли Париж лучше или хуже? Вообще говоря, он остался самым собой. Тут уместен маленький парадокс: если бы в нем не изменилось все, я бы сказал, что в нем ничего не изменилось. Дома, бульвары, самый цвет

города, Сена с ее мостами и небо над Сеной — все это осталось таким же, как у Марке или Клода Моне. Но Париж — это люди. И люди изменились. Изменилась тональность города.

Париж традиций кончился. Я был свидетелем возникновения нового Парижа.

Теперь надо было торопиться всерьез. Я взял такси и поехал на Северный вокзал. Я еще успел вскочить в поезд.

В салон-вагоне, который предоставило нашей делегации французское правительство, бушевала семейка Фингльтонов. Мистер Спрингфильд и остальные члены делегации разошлись по своим купе еще до отхода поезда.

— Наконец, это вы, Юджин! — крикнула Одри, усвоившая себе привычку звать меня по имени с первого же дня знакомства. — Как приятно видеть хорошенького американца после этих паршивых ободранных французов. Как это? Пролетарии? От них меня просто тошнит! Выпейте, Юджин, за Америку!

Перед папашей и дочкой стояла бутылка джина.

— Нет, это хамы и сволочи! — надрывался мистер Фингльтон. — Это не люди. Это... это, знаете, хуже негров!

— Вот это, значит, и был ваш хваленый Париж! — перебила Одри. — Ну и городок!

Оказывается, с Фингльтонами случилось небольшое происшествие. Когда они проезжали в открытом автомобиле по городу, какой-то отчаянно веселый блузник крикнул с тротуара по адресу мистера Фингльтона: «Потаскуха!» или что-то в этом роде. Их внешний вид, правда, мало импонировал революционному Парижу, в особенности раздражала, наверно, Одри своим сногшибательным туалетом. Перед ними долго извинялись, но мистер Фингльтон никак не мог успокоиться. Весь вечер он доказывал мне, что французов не только не нужно признавать, но нужно объявить им войну. И сделать это как можно скорее.

— Вы же понимаете, — втолковывал он мне, — ведь это же может случиться и у нас. Ну? Что тогда будет? Я вас спрашиваю, что тогда будет?

Поздно вечером, когда уже я лежал в постели с книгой в руках, дверь моего купе открылась и вошла Одри. Входить в дверь без стука было модно. Глаза Одри были расширены. Она криво улыбалась и, судя по всему, была довольна сильно пьяна.

«Нам начхать на все на свете», — пропела она неверным голоском. Потом, к моему полному удивлению, стала медленно раздеваться.

— Послушайте, что вы делаете? — крикнул я, — вы попали не в то купе.

— В-вы дур-рак, — пробормотала Одри, — в-вы понимаете, я хочу... ну, просто... я еще никогда... понимаете... никогда не делала этого в поезде...

Одри была очень красива, а я в конце концов не так уж стар. Но ее цинизм был до такой степени оскорбителен, что я молча выставил ее за дверь. Она пыталась меня укусить. Запирая дверь на ключ, я с трудом удержался, чтобы не крикнуть: «Потаскуха!»

〈ПОДГОТОВИТЕЛЬНЫЕ ЗАПИСИ К РОМАНУ〉

〈1. СОВЕТСКИЙ СОЮЗ И АМЕРИКА〉

Когда-то он писал книгу о России. Она имела успех и до некоторой степени была даже дружественной по отношению к СССР. Боже! Как недальновиден, неумен я был. Я рассматривал Россию статично. Это мне не нравилось, это нравилось. Я даже похлопывал по плечу этих людей (помесь чудаков, энтузиастов и фанатиков). Они даже печатали у себя цитаты из моей глупой книги (Сервис. Фейхтвангер). Тогда меня раздражало тупое, как мне казалось, повторение, упорное повторение: «Как жилось раньше. Как будет житься». Это казалось мне скучным и... глупым. А сейчас мне стыдно вспоминать о своей книге. Эта дурацкая гордость, чванность, даже нахальство, с которым я смотрел на великий *эксперимент*.

Было неправильно прямо и в лоб сравнивать Америку с СССР. Предположим, у родителей есть два сына: одному — 25 лет, он окончил университет, женился, выстроил дом и защитил докторскую диссертацию. Другому — 10 лет. Ведь никому не придет в голову сказать, что старший сын лучше младшего, потому что младший не окончил университета, не выстроил дом, не женился и не защитил докторской диссертации. Их будут сравнивать по другим признакам. Будут сравнивать их характеры, способности, внешность, что угодно; но только не самые факты зрелости и юности. Молодой не может быть хуже старого только потому, что он молод, как, впрочем, и наоборот.

А большинство журналистов и путешественников судили СССР именно так. Они говорили, что в Америке лучше, чем в СССР, дороги, промышленность, автомобили, обслуживание, дома и т. д., следовательно, капитализм лучше социализма, и поэтому нужно сохранить капитализм. Во что бы то ни стало. Единственно же правильный метод — судить о стране по ее росту, видеть ее в движении, сравнивать ее настоящее с ее прошлым и предсказывать на этом основании ее будущее — этот метод отвергался.

И получилось так, что читатели газет и книг были введены в заблуждение. Но это полбеды. Были введены в заблуждение целые страны и правительства, которые, не понимая СССР, не могли вести по отношению к этому государству правильную политику.

— Я задумался над тем, почему именно Россия пришла к коммунизму первой. Я вспомнил историю этой страны, ее самую страстную в мире, ищущую литературу (развить), ее самую глубокую в мире музыку, я вспомнил ее юродивых, ее странников, стариков, бродивших по помещичьей стране в поисках «праведной земли», вспомнил ее революционеров, всходивших на эшафот исключительно ради своей идеи. Я вспомнил, что русский народ всегда искал правду. Даже в неграмотном, разутом, полураздетом и полуголодном народе всегда существовала удивительная способность абстрактно мыслить, т. е. было то, к чему не были способны даже наши профессора философии не в служебные часы.

У нас на первом плане были деньги. Мы считали, что все остальное приложится.

У них в основе жизни лежала идея — и они победили.

— Торговля. Люди покупали и продавали всегда, все время, что существует человек на земле (обмен и деньги, в сущности, одно и то же). Но человечество прогрессирует. Уже в XIX веке с ужасом вспоминали

о том, что когда-то человечество продавало и покупало людей. Почему же мы, чёрт возьми, сопротивлялись коммунизму, который решил, что продавать и покупать хлеб так же безнравственно, как покупать и продавать людей?

— В нашей стране классического индивидуализма стандарт всегда чувствовался во всем: богатство было похоже на богатство, нищета на нищету. И богатство и нищета были чудовищно стандартны.

Здесь, в стране классического коллективизма, все было разное, были тысячи, миллионы внутренних и внешних различий при полной одинаковости материального благополучия.

Гуляя по Москве, я все время вспоминал Америку, добрую довоенную Америку. Было много общего, и в то же время это было совсем не то. Прежде всего — американская подвижность и чувство ихнего превосходства, которое является результатом остро чувствующейся собственной отсталости. Обилие. Некоторая даже бесцеремонность и вместе с тем вежливость, т. е. то, что не чувствуется в Англии, где демократичность шла не от народа. Здесь — это основа народного характера. Шумно. И вместе с тем это совсем не Америка. Да. Кафетерии. Гранит. Мрамор. Красивые витрины. 5-е авеню? Пожалуй! Но 5-е авеню, которому нет конца. Нет Бруклина, нет Бронкса, нет даун-тауна *, нет Ист-сайда.

Беседы со знаменитостями (писателем, киноартисткой, директором пищевого управления, ректором университета обслуживания и создателем его).

М-р Дусей: Это ужасно! Я просто не знал, какие задавать вопросы. Обычные американские вопросы были просто смешны: сколько вы зарабатываете? Что вы думаете о последнем ограблении банка? Во сколько вам обошелся последний развод? и т. д.

Впоследствии беседы носили высокий интеллектуальный характер.

«2. КАК МЫ ШЛИ К ЦЕЛИ»

Как мы шли к цели. (Очень подробно. Специальная глава). Даже после победы индустриализации, т. е. создания тяжелой индустрии, быстрое построение коммунизма (высшей стадии) казалось проблематичным. Но жизнь показала иное. Оказалось, что к хорошим привычкам человек более склонен, чем к плохим. Метро. Самый факт добросовестности, чистоты и монументальности этого сооружения заставил людей содержать сооружение в чистоте, хотя там о чистоте не было ни одного плаката.

Председатель Госплана (в беседе): Я помню, когда был 15-летним мальчиком, в 1920 году, я смотрел на стенную газету РОСТА, напечатанную на обратной стороне бандерольного листа, где рядом со списком расстрелянных контрреволюционеров была большая заметка: «Отремонтирован один паровоз». Я ясно вижу весь путь за 40 лет.

Жизнь страны можно сравнить с жизнью великого Ломоносова. Неграмотный деревенский парень в короткий срок стал величайшим ученым и поэтом, опрокинув все представления о постепенности образования (поколениями).

Этапы процветания СССР.

* down-town (англ.) — деловой квартал города. — *Ред.*

ЛИСТ С РИСУНКАМИ Е. ПЕТРОВА

Перо, 1930-е годы

Центральный архив литературы и искусства, Москва

Сначала был этап утверждения советской государственности. Поэтому процветал монументальный стиль, повсюду изображались гос<ударственные> гербы, висели гос<ударственные> флаги. Это было величественно, но холодновато и однообразно. Потом, когда государственность прочно утвердилась, во всем этом уже не было необходимости.

Развитие шло пятилетками: пятилетка дорог и транспорта, избытка, обслуживания, воды и электричества (в стране гигантские заводы электрооборудования), пятилетка комфорта, наконец, пятилетка роскоши (еще раз — борьба со стандартом). В борьбе со стандартом тоже есть стандарт. Обилие стандартов — вот в чем задача: сотни фасонов белья, ботинок, костюмов, галстуков.

Принципы строительства. Нарком строительства объясняет как было. Существовал неправильный принцип, по которому предприятия строились без дорог и жилья. Сейчас дорожный отдел — самый главный.

Бывало так, что руководитель, вышедший из народа, постепенно удалялся от него и в конце концов совершенно переставал понимать его интересы. И уже не знал, каково человеку в трамвайной очереди или в ресторане, где плохо обслуживают и т. д.

Было ему страшно трудно соединить работу руководителя (наркома), связанную с громадным количеством заседаний, докладов и приемов, с привычным внедрением в жизнь потребителя, т. е. человека, обслуживаемого его наркоматом.

Как создавались кадры.

Было очень трудно. Иногда глупый бездарный работник сидел на своем месте по два года, ловко скрывая свою глупость. Тогда в этом не умели разбираться (подробно).

⟨3. ПЛАНИРОВАНИЕ⟩

Пред⟨седатель⟩ Госплана назначил мне прием.

Пред⟨седатель⟩ Госплана:— Важно всегда иметь перед глазами всю картину экономического состояния государства — от состояния металлургии до состояния музыкального образования.

Планирование осталось самой трудной и сложной наукой из всех когда-либо существовавших на земле.

Даже в средней школе проходится «планирование». Это — важнейшая дисциплина.

От умения в этой стране планировать зависят все (перечислить).

Цифры! Цифры! Симфония цифр. Я вышел из Госплана совершенно обалдевшим.

⟨4. ПСИХОЛОГИЯ ЛЮДЕЙ КОММУНИСТИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА⟩

Самые важные главы

Кто выполнял черную работу. Сущность обслуживания.

Как приходили к коммунистическому распределению. Постепенность процесса. Каждый новый товар, который предполагалось выдавать бесплатно, надо было заготавливать в гигантском количестве, значительно превосходящем нормальную потребность людей. Потом они привыкали, и производство входило в норму. Первый день раздачи хлеба бесплатно.

Очередность перехода. Постепенность перехода. Все это создавало новые моральные качества.

— Вы понимаете, что если человек в коммунистическом обществе захочет пойти в магазин и выбрать брюки по вкусу и таких брюк он не найдет, — это будет катастрофа.

Все основано на том, что человек очень скоро привыкает брать ровно столько, сколько ему надо, хотя на первый взгляд это и кажется странным. Если он возьмет автомобиль, он не будет ездить больше, чем ему надо. Хлеб, мясо, костюм и т. д. (как на конфетной фабрике, где рабочие могут есть сколько угодно, но не пользуются этим).

«Необходимость соблюдать несложные, основные правила всякого человеческого общежития очень скоро станет *привычкой*» (Ленин).

Дайте капиталисту самую роскошную квартиру, самую роскошную одежду и самую роскошную еду и скажите ему, что это самое есть у всех людей, — и он будет глубоко опечален. Ему важно не только иметь все это, но и сознавать, что этого нет у большинства людей. Деньги не только дают ему материальные блага, но — и самое важное — дают ему чувствовать *исключительность* своего положения. «Если у всех все будет, — говорит буржуа, — станет скучно жить на свете». Вот в чем главная подлость!

Деньги как элемент *выбора*. Нельзя и глупо дать человеку 1 автомобиль, 250 книг, 8 картин масляными красками, 4 костюма, 1 породистую собаку и т. д. Ведь может быть и так, что человек не любит автомобилизма, но хочет коллекционировать книги.

Очень важно! Эпохи сменяются, потому что властители (феодалы, потом буржуазия), сделавшись счастливыми, почивают на лаврах. Люди коммунизма всегда двигаются и будут двигаться вперед — их главная особенность.

Образец газеты. Полемика. Острая борьба с недостатками. Уважение к журналистам.

〈5. КОММУНИСТИЧЕСКИЙ ТРУД И ЕГО СТИМУЛЫ〉

Что стимулирует труд? Почему человек работает хорошо, в то время как может работать плохо? Ведь его не уволят, а если уволят, то материально он не пострадает, так как *должен получить по потребностям*. На сцену выступили *моральные факторы*, ибо экономические, после достижения экономического обилия, перестали иметь притягательную силу.

В чем стимул?

— Сэр! Какой же вам смысл к чему-либо стремиться, если все, что вам нужно, есть у вас уже сейчас?

— А почему американец, у которого есть миллион, стремится иметь десять миллионов?

— Потому что деньги дают власть. Человека увлекает мысль управлять другими людьми.

— Нами движет стремление к славе. Если хотите, честолюбие. Но самое важное — это науки и искусства. Ими занимаются все.

У нас есть люди, работающие по 15 часов в день. Мы ничего не можем с ними поделать. Это чаще всего встречается среди ученых. Они увлекаются. Есть такие писатели, музыканты.

Скрипач: Дорогой мой, если бы я играл по 2 часа в день, я не был бы таким знаменитым виртуозом.

На заводах.

В основе — не работа, т. е. прямое, непосредственное действие человека, а *управление* работой — штука чрезвычайно трудная, ответственная и утомительная. Те 4 часа в сутки, что работали люди коммунистического общества, они работали очень энергично.

— Если хочешь получать по потребностям, то уж, будь добр, работай по способностям в полную силу.

— Чудес на свете не бывает. То, что вы видите, достигнуто упорнейшим, не столько тяжелым, как это понималось раньше, сколько интенсивным, уплотненным трудом, забирающим у человека множество умственной энергии.

— От каждого по способностям! Это значит надо взять *действительно* от каждого по способностям, т. е. взять все лучшее из того, что он может дать.

Женщины были совершенно освобождены от тяжелых физических работ. Но их в общем было очень мало и выполняли их студенты-практиканты.

Нет лифтеров, швейцаров, уборщиц, мусорщиков, трубочистов. Механизированная уборка.

Борьба за высший сорт!

Совершенно естественно, что сначала меня заинтересовала, так сказать, *поверхность* жизни, т. е. то, что прежде всего бросается в глаза иностранцу (перечислить), и очень нескоро дошла самая сущность всех увиденных мною явлений.

Сначала я задавал себе вопрос — что это? Потом стал задавать себе вопрос — почему?

«6. ГАРМОНИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ЛИЧНОСТИ. ИНТЕРЕСЫ ЛЮДЕЙ КОММУНИСТИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА»

Помимо общих правил коммунистического общежития, нет правил, по которым люди едят, одеваются, отдыхают и т. д. Полная, ничем не ограниченная свобода индивидуальности. В этом основа всех основ.

Частная собственность. Ее нет, но есть слово «мой» — моя библиотека и т. д.

Простор для увлечений, вкусов и даже чудачеств. Никто не навязывает человеку вкусов. Никто не мешает ему жить так, как ему хочется. Но у него есть *обязанности перед обществом*. Общество платит своим членам уважением, любовью, известностью, наконец, славой.

Кто чем увлекается? 1) Автомобилями. Все ухлопывает на покупку автомобилей. Добр, но глуповат. 2) Книгами. Хотя библиотеки доступны, но он коллекционирует.

Развитие Людям коммунистического общества естественно приходится преодолевать колоссальное сопротивление при движении вперед (в умственном смысле), потому что очень велика «конкуренция». Обладающие большим количеством времени люди посвящают жизнь науке или искусству — писателем может стать только исключительная натура и то

Е. ПЕТРОВ

Фотография 1929 г. с автографом писателя:
 «Вот это я. Прошу не смешивать с этими бесчисленными Катаевыми (Валентином, Иваном и др.) Евг. Петров (урожденный Е. П. Катаев)»

Центральный архив литературы и искусства, Москва

при условии очень высокого образования. Поэтому в искусствах отсутствовали неудачники. Они просто переключались на другую работу.

Спорт. Занятия спортом были затруднены потому, что у людей было мало свободного времени.

— В вашем обществе спортсмены обычно непроходимо глупы и самоуверенны. Ведь весь их интеллект ушел на стремление стать чемпионом. У нас спорт нужен для здоровья, для удлинения человеческой жизни.

Вершина интеллектуального развития человечества не меняется. Едва ли когда-либо человечество сможет сказать о каком-нибудь человеке: «он умнее Карла Маркса», «он талантливее Льва Толстого». Все заключается в подтягивании интеллектуального уровня всего человечества к таким вершинам.

— Сейчас он богат, как банкир средней руки. Скоро он будет богат, как Морган. Сейчас он умен, как профессор старого университета. Привычка к мышлению, тонкое понимание искусства и непрерывная тренировка мозга сделают его умным, как Карл Маркс.

Я пытаюсь в течение часа, не задавая прямого вопроса, выяснить профессию моего любезного хозяина. Но это невозможно. Мы перебрали множество тем. Иногда он ставил меня в тупик. Он оказался контрабасистом симфонического оркестра. Его семья (здесь нужен длинный интересный разговор, когда автор все время думает: «такой-то» или «такой-то»? Кто же он? Он может быть и тем и другим).

Над университетом — академии — *сверхвысшее образование.*

Артистичность людей.

Образование. Знание языков. Любовь к истории и литературе. Техника. Уменьшение спецобразования. Увеличение общего. В школе — уроки поэзии.

Произошло поразительное явление. Если разделять человеческое общество на классы, как это делает Маркс, то получалось, что из двух классов и одной надстройки (интеллигенции) в соц(иалистическом) обществе — в комму(нистическом) обществе исчезли классы и осталась надстройка — все интеллигенты.

Изменилась внешность народа. Уже несколько поколений было рождено и выкормлено матерями в нормальных человеческих условиях. Исчезло то, что называлось простонародностью. Все были интеллигентами. Гигантские духовные силы, дремавшие в народе, проснулись. Массовый спорт через десяток поколений сделал людей красивыми. Классы исчезли. Осталась интеллигенция.

Для 6 гл(авы).

Интеллигенты (подлинные), как масоны, узнают друг друга при встрече, в каких бы отдаленнейших частях земного шара они ни жили.

Я всегда любил начало такого разговора, когда пред тобой постепенно возникает интеллект, близкий к твоему.

«7. ТЕХНИКА И ЖИЗНЬ ЛЮДЕЙ»

— В Америке мы не замечали, хорошая у нас техника или нет. Мы замечали только счастливы мы или несчастны. К сожалению, техника не делала нас счастливыми.

Техника развивалась только потому, что кому-то это было выгодно, кто-то быстрее мог зарабатывать деньги. Техника не имела точной цели, она не была вдохновлена идеей. Поэтому народ был равнодушен к технике и гораздо больше интересовался рассказами о жизни кинозвезд, боксеров и бандитов, чем чудесными историями о технике, а иногда и ненавидел ее — со злобой говорил о необходимости уничтожить машины.

Было бы глупо сказать, что здесь, в коммунистическом обществе, именно техника сделала людей счастливыми, но несомненно — умелое применение техники создало тот фундамент, на котором было построено материальное благополучие народа. А без материального благополучия нельзя было создать благополучия духовного. Освободились титанические силы, которые были заняты мелкой повседневной борьбой за существование. Укрепились нервы человека, появилась та уверенность в себе, которая создает счастливых. Здесь, от председателя Верховного Совета до рядового инженера, врача или учителя, — все обладают одинаково сильно развитым чувством собственного достоинства. Можно сказать о всех без исключения людях, населяющих эту страну: «Они родились под счастливой звездой». (Развить примерами — когда, казалось бы, одна и та же техника ничего не дает и дает всё.)

И стало так, что в этой стране — техника уже не главное. К ней относятся чрезвычайно серьезно, ее ценят, за успехи в области техники люди получают славу и популярность; но техника — уже не главная тема для разговоров в клубе или за домашним чаем, на курорте или во время путешествия. Люди обожают философские разговоры, они любят отвлеченно мыслить. Это доставляет им наслаждение. Они как бы отдают дань великим философам, учение которых помогло им пробежать тысячелетний путь в каких-нибудь пятьдесят лет.

Объяснение инженера: Со времени сооружения Ангарской станции Сибирь развивается быстрее всех промышленных районов. Водород, а не уголь, алюминий, а не железо, синтетический шелк, а не хлопок, — вот новая техника. И Сибирь, позднее всех сделавшаяся промышленным районом, раньше всех овладела новой техникой.

Скоростное строительство — оно позволило в течение одной пятилетки построить вполне комфортабельное жилье для всего населения страны.

— Увы! Домов отдыха, подвешенных к дирижаблям, я так и не увидел. И как это было приятно! (Все естественно!)

— Видите ли, начало века было ознаменовано таким обилием изобретений, что нашей задачей явилось лишь усовершенствовать, применить и сделать их доступными всем людям. В этом сила и значение техники коммунизма.

Электричество. Все сведено к электричеству.

Чистота на заводе — отсутствие потерь вещества. *Нормальная температура* — отсутствие тепловых потерь.

Инженеры-изобретатели. Следят за автоматизированным процессом.

Техника в быту. Телевизоры. Фотоэлемент, люди следили за работой автоматов.

— Техника загнана под землю. Ее приручили.

Технику нужно немного придерживать, чтобы она не мешала человеку (старый писатель).

Социальное устройство всегда отставало от технического прогресса, поэтому естественны были жалобы, что с усилением технического прогресса жить становится не лучше, а хуже. Практика коммунистического государства опрокинула это представление.

Уничтожение гнуса в Сибири. Грандиозная задача. Ее разрешение сразу же сделало жилыми, удобными и привлекательными огромные участки земли.

Промышленность, и в частности энергетика, развивалась вне какой-либо догмы, в зависимости от экономичности и удобства. Разнообразные виды московских электроустановок. Ветро двигатели для освещения, отопления, водоснабжения и заправочных колонок. 50-метровые башни из легкого металла. Колесо соединено через редуктор с генератором, вращается со скоростью 24 оборота в минуту и дает в генераторе 600 обор(отов) в минуту. Мощность 1000 квт. Но были станции в 250 и 650 квт. Иногда их соединяли в кусты — 5000—15 000 квт.

⟨8. ОБСЛУЖИВАНИЕ⟩

В обслуживании не должно быть слова «нет». Любой товар доставляется на дом не позже, чем через час.

Существовало странное и вредное представление, что ресторан служит для прожигания жизни, а для питания должна быть фабрика-кухня № 26.

Плохое обслуживание было естественной реакцией на прошлую униженность. Еще продолжали мерить старыми мерками.

Наркомаг обслуживания.

Сеть университетов обслуживания с факультетами: 1) гостиничным, 2) магазинным, 3) ресторанным, 4) курортным, 5) экскурсионным, 6) портняжным, 7) сапожным, 8) игрушек (появление таких факультетов, о которых раньше никто не думал, потому что даже то, что раньше делал неграмотный человек, делали теперь люди с высшим образованием).

Оказалось, что создать обилие товаров — еще не всё. Нужно обслужить друг друга.

Библиотечный «сервис» — немедленная доставка книг на [дом. Все получают списки выходящих новинок.

У Советского Союза всегда была хорошая манера брать и осваивать лучшее из того, что было создано в буржуазном мире. Так создавалась тяжелая индустрия. Так создали и легкую. В системе обслуживания большую роль сыграл американский опыт.

⟨9. ЭТИКА⟩

Одри с секретарем критиковали коммунистическое общество «слева». Им не понравилась семья, добрые нравы.

— Господа, это скучно.

Девиза все называла своим именем. Это была послевоенная мода.

— Мы говорили, что большевики уничтожат семью, а они создали семью. Мы говорили, что они уничтожат индивидуальность, а они создали ее. Мы говорили, что они разрушат мир, а они построили мир.

И. ИЛЬФ и Е. ПЕТРОВ ЗА РАБОТОЙ

Фотография. 1929—1930 годы
Литературный музей, Москва

Учебник этики

Восемь правил коммуниста: 1) Никогда не лги ни людям, ни самому себе. 2) Помни, что ты слуга общества и должен трудиться для него. 3) Крепко держи свое слово. 4) У тебя может быть только один враг — враг общества, личных врагов у тебя не может быть. 5) То, что ты делаешь для общества, — ты делаешь для себя. 6) Будь почтительным сыном старшему, верным братом сверстнику и нежным отцом младшему. 7) Справедливость — есть высшая добродетель коммунизма. Будь справедлив. 8) Будь готов в любую минуту броситься человеку на помощь.

Любопытно, что тут совершенно отсутствовали библейские заповеди, как, например, «не кради», или «не убивай», или «не пожелай чужого». Общество было построено так, что кража (или убийство с корыстной целью) была бы совершенно бессмысленна, а поэтому понятия эти умерли.

История развития коммунистической этики.

«Морально то, что полезно пролетариату». — «Морально то, что полезно народу» (как естественный вывод).

Этика. Дружба. Вежливость. Приветливость. Старая христианская мораль, отравленная денежными отношениями и экономическим неравенством, очистилась и стала реальной.

Почему все без исключения религии писали на своем знамени: доброта, честность, правдивость и т. д.? Потому, что человеку свойственно стремиться к хорошему. Каждый младенец рождается хорошим. Младенцу

свойственны со дня рождения самые лучшие, самые возвышенные чувства — справедливость, любовь, нежность (примеры). Постепенно окружающая среда прививает ему эгоизм, ненависть, собственнические инстинкты.

⟨10. ПРАВО⟩

За последний год было, правда, три или четыре убийства, но совершили их сумасшедшие (вообще количество душевнобольных значительно уменьшилось). И только одно убийство, совершенное из ревности, вызвало колоссальную сенсацию. Фактически убийцу судил весь народ, до такой степени разгорелись страсти. Он был изгнан из страны (самое тяжелое, по закону, наказание).

Тюрем нет, но есть народные суды. Есть изоляция. Есть изгнание из страны (за убийство. За последний год был один такой случай — убийство из ревности). Человек *должен* помнить о силе общества, о грозной силе общественного мнения. Но если он забылся, он должен испытать эту силу на собственной шкуре.

— Искусство у нас не требует руководства. Такие вещи, как порнография и мистика, не говоря уже о контрреволюции, не могут существовать в нашей стране. Общество само дает отпор таким попыткам. Такие случаи были.

— Вообще всяческие виды руководства постепенно отмирают вместе с отмиранием государства. Остается очень сложное (более сложное, чем старая государственная система) управление экономикой страны, высшая наука — коммунистическое планирование.

⟨11. ЭСТЕТИЧЕСКОЕ ВОСПИТАНИЕ. РАЗВИТИЕ ИСКУССТВА⟩

Развитие вкуса. Это могло произойти только постепенно. Можно создать в 5 лет тяжелую промышленность или научить человека математике, но за этот срок нельзя создать хороший вкус — венец интеллигентности.

Все равно человеку сначала нравится оперетка, развешанные веревком открытки и бульварная мелодрама. Путь до 6-й симфонии Чайковского, до портретов Рембрандта и романов Стендаля длинен. Длиннен, но не бесконечен. Сейчас вкус очень сильно развился. Нынешнее поколение воспитывается в хороших вкусах. Этим объясняется очень большая требовательность по отношению к искусству.

Как в СССР воспринималась культура. Сперва грубо (радио). Люди набросились на культуру, как голодный набрасывается на хлеб. Как шло постепенное овладение культурой.

Сначала народу давалось искусство, которое подешевле, — эстрада, цирк, кино (в особенности кино). И это было естественно. Лозунг был правильный — всё для народа, и ему давали всё, чем были богаты. Общее благосостояние и богатство страны привели к тому, что народу смогли давать лучшее — симфоническую музыку, оперу, хорошую драму (раньше это тоже было развито больше, чем где бы то ни было в мире, но все-таки было каплей в море). Теперь в ходу только *первый сорт*. Первый сорт во всем — в промышленности, в обслуживании, в искусстве.

При коммунизме культивируется все самое лучшее. Никаких копий — подлинники! Никаких суррогатов!

Декада произведений Мясковского. Самый популярный композитор. — Как его слабо ценили в свое время! Прямо удивительно! Теперь художнику не угрожает такая участь.

К исчезновению кино как искусства

Кино раньше удовлетворяло людей еще и потому, что оно дополняло их бедную жизнь.

Любовь к кино происходила не от богатства, а от бедности. Богатые в кино обычно не ходили. Они всё получали в *свежем* виде.

Архитектурный стиль коммунизма не в каком-то особом разрешении внешних строительных линий, не в создании новых ордеров колонн, не в трюках, когда в угоду сплошным стеклянным плоскостям уничтожается гранит и мрамор. Стиль — в ансамблях, в гармоническом единстве целых улиц и районов, в синтезе всего красивого, полезного и удобного, что тысячелетиями создавалось на нашей планете. Ничто не было забыто, ничто не было предано посмеянию. Но главное — это общедоступность архитектуры. Она создавалась не только для того, чтобы радовать глаз человека, но чтобы создать ему жизненные удобства. Результат главного художественного принципа коммунизма — единство формы и содержания.

Что планируется и что не планируется. Литература не планируется, но планируется бумага (в зависимости от спроса). Потребность в бумаге по сравнению с 1940 годом увеличилась в сто раз.

Русская классическая литература, критикуя настоящее, жила будущим. Советская литература 30-х и 40-х годов, не критикуя настоящее, жила критикой прошлого и апологией героизма гражданской войны. Современная литература живет в равной мере прошлым, настоящим и будущим. В обильном ходу исторические романы. Читатели любят современный семейный и любовный роман. Успехом пользуются романы будущего, так называемые технические романы.

Возможна ли сатира в коммунистическом обществе? Сатирические журналы получили громадное распространение. Их было очень много. Издавались над лентями, обжорами, грубиянами, пьяницами, ревнивцами.

<12>. МОСКВА

Территория расширилась вдвое до 60 т. гектар.

Лесопарковый пояс 10 км шириной.

Архитектурные ансамбли на набережных.

3 магистрали — 1) с С(еверо)-В(остока) на Ю(го)-З(апад). Измайловский парк — Ленинские горы (Б. Черкизовская, Преображенская, Стромынка, Русаковское шоссе, Краснопрудная, Каланчевская, Мясницкая, Театральный проезд, Охотный ряд, Моховая, Волхонка, Остоженка, Чудовка, Лужники). 2) Улица Горького — завод Сталина, 3) Останкинский парк — Серпуховское шоссе.

Четыре радиальных кольца и новое парковое кольцо.

Газосветные трубы.

Увеличение бульваров и каналов (!)

Материалы: шлифованные уральские камни, сплавы, сталь, мрамор, порфир, гранит.

Движущихся тротуаров не было, но были движущиеся лестницы через перекрестки (или под ними).

Дома не превышают 15 этажей.

Центральный вокзал, как и в Нью-Йорке, под землей.

Тоннель под Ленинскими горами.

Арки и неожиданные городские пейзажи.

Быв(ший) Академич(еский) кинотеатр (ничего в нем не оказалось академического).

Дом тяжелой промышленности.

Площадь и улица Литературы с памятниками. Площадь Музыки.

Музеи 30-х и 40-х годов XX века (коммунальная квартира и т. д.).

Кусочек Замоскворечья, обнесенный забором и сохраненный во время первой реконструкции Москвы.

Извозчики в «старой Москве».

Управдомы.

Жильцы коммунальных квартир.

Учреждение с его грязью, плакатами и т. д.

Первые «новые дома».